

Метро 2035. Царица ночи

Автор:

Константин Баранова

Метро 2035. Царица ночи

Константин Иорданович Бенев

Ирина Владимировна Баранова

МетроВселенная метро 2035

Зима 2033 года. Постъядерный Петербург погрузился в хаос войны...

В непролазных кущах Ботанического сада, укрытая от посторонних взглядов набирает силы ещё одна опасность нового мира. Симбиоз больного разума талантливого учёного и мутировавшего растения явил на свет аномалию гораздо страшнее, чем звероподобные существа и Блокадник с Кондуктором. Новая сущность уже готова заявить о своих правах на власть. И есть всего лишь один шанс предотвратить неминуемую опасность. Алекс Грин и Векс принимают решение им воспользоваться...

Ирина Баранова, Константин Бенев

Метро 2035. Царица ночи

© Глуховский Д.А., 2018

© Баранова И.В., 2018

© Бенев К.И., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Посвящается нашим так рано ушедшим друзьям

Часть первая

«Так вот ты какой, цветочек аленький...»

Пролог

Октябрь 2018 года. Город Санкт-Петербург, Аптекарский остров

Тишина мертвого города обманчива. Тут сухое дерево тревожно ноет на ветру, кварталом дальше хрипло твякнула собака, осыпался кирпич под лапами огромной птицы. Она смахнула крыльями слой пыли с развалин многоэтажки и с шумом улетела прочь. А вот скрипнула, приоткрываясь, дверь парадного, и в проеме показалась большая лохматая голова. Кот, а скорее дальний потомок обычного домашнего Василя, выросший до размеров средней собаки. Животное наострило уши, повело носом и, чихнув, исчезло в проеме. Что не так? Шаги человеческие.

– Тише, ты! – прошипел Виктор сквозь зубы. – Хочешь, чтобы нас заметил кто?

– Да кто нас заметит?! – удивился паренек, шедший сзади. – Тут уже сто лет никто не ходит, сам знаешь, все давным-давно вынесли.

– Вань, помолчал бы ты, – это подал голос Федор, третий из парней, замыкавший группу, осторожно пробирающуюся посередине улицы.

Люди. Город уже отвык от них – живых, шумных, вечно куда-то спешащих. Теперь они ему чужие. Родные в виде истлевших костяков навсегда остались там, где их застигла смерть. Мертвые не доставляют беспокойства, и город охраняет их покой. Такой знакомый до последнего булыжника, родной, свой в доску город... Для живых он стал врагом. Провалы в никуда, падающие стены, стаи озверевших псов, радиация... И самый злейший враг – он сам себе – голодный человек, укrywшийся в подземельях, со страхом пробирающийся по улицам за хабаром.

Эту троицу поманила Легенда.

Разговоры о том, что под оранжереями Ботанического сада скрывается большое бомбоубежище, Виктор Лазарев впервые услышал в детстве, бабка как-то проговорила, а ей доверять можно – всю жизнь саду посвятила. Но сколько он потом не пытал ее, молчала, как партизан на допросе: не говорила такого, и все тут, сам – де, выдумал. Второй раз, совсем уж неожиданно, услышал про этот бомбарь во время учебы в универе. Говорили, что еще после последней войны, в сороковых, Сталин дал указание: построить убежище для спасения редких растений и уникальных научных разработок. На случай ядерной бомбардировки. Может, пригодился бомбарь? Успели там что укрыть, да и оборудование наверняка не тронут. Если бы найти все это... Даже представить страшно, сколько теперь все это стоит! Разыскать легендарный бомбарь стало для Лазарева идеей фикс. Он прислушивался к разговорам и слухам, которые ходили между людьми, анализировал их, и, в конце концов, сделал для себя вывод, что никто и ничего про этот таинственный бункер не знал. Кроме него, получается, Виктора Лазарева.

Ваньку и Федора долго уговаривать не пришлось: эти двое всегда с удовольствием принимали участие в каждой аванюре друга. Сначала хотели выбраться тайно: брат Ивана был каптенармусом, про химзу они с ним договорились. А уж попасть на поверхность для знающих людей не проблема. Но тут неожиданно всплыла новость, удачно придуманная и запущенная Виктором на всякий случай, о схроне ГО в районе станции, и Виктор уговорил начальника отправить на поиски схрона именно их.

– Слышь, Витек, а ты точно уверен, что мы найдем его? – не унимался Иван.

– Не был бы уверен – не пошел бы! – отрезал Виктор. – Тебя никто с собой насильно не тащил. Мог бы оставаться рядом со своим папенькой.

Ванька смутился и опустил голову.

Где-то сзади, у реки, прокричала чайка. Путники невольно поежились: уж больно зловещим показался им этот крик. Слухи о чайках-людоедах уже ходили по станциям. Существование подобных монстров казалось невероятным, поэтому истории про них быстро попали в разряд потешных анекдотов. Но сейчас почему-то смеяться никому не захотелось. Наоборот, все трое, одновременно и независимо друг от друга, возжелали поскорее закончить с экспедицией и вернуться домой, на Петроградскую...

Птица вновь издала истошный крик, который неожиданно резко оборвался... И тут же раздался плеск воды, словно нечто большое упало в реку за домами.

– Сбил кто-то, – шепотом произнес один из ребят.

Виктор поднял руку вверх.

– Все. Дошли.

Впереди виднелись полуразрушенные оранжереи Ботанического сада. Без ухода Ботаничка пришла в запустение, но погибших, сухих или упавших на землю деревьев, как ни странно, не замечалось. Если так, то вполне возможно, что в самой глубине сада до сих пор шевелит сама по себе руками-ветками легендарная Шива. Только вот пугать теперь некого...

Тройка медленно двигалась вглубь парка, озираясь по сторонам. Осень щедро раскрасила и его, и весь Аптекарский остров в кроваво-багровый цвет. словно никогда и не было у нее ни зеленой, ни желтой, ни какой другой краски. Может, от этого буйства красного, или еще от чего, было довольно неуютно, но, тем не менее, пока никакой опасности не наблюдалось. Еще совсем немного, и они будут у цели.

– Ребят, вы внимание обратили? – Федор поежился, словно за шиворот ему свалился ежик со всеми его иголками, – Тут же все тропическое вроде, а вот не вымерзло. Как так?

– А так... Мало ли чудес теперь? Не вымерзло и не вымерзло, что-то может и вымерзло... Тише!

Слышали ли остальные сейчас то, что услышал он, Виктор? Тихий шорох, словно ниоткуда, шепот, зовущий за собой... Звуки из его детского кошмара, сна, преследовавшего много лет и не дававшего расслабиться даже под землей. Звук, который завораживал, которому не было сил сопротивляться...

* * *

Майский день был совсем по-летнему солнечным и теплым. В Ботаничке с экскурсиями завал – после долгой зимы и сменившей ее затяжной холодной и мокрой весны народ потянулся на природу.

– Благодаря деятельности нового директора Сада, уже в 1824 году было выстроено каре из двадцати пяти оранжерей общей протяженностью... – экскурсовод рассказывал очередной группе историю создания Ботанического Сада.

Туристы внимательно слушали, лишь изредка отвлекаясь на очередную проходящую мимо группу таких же, как и они, страждущих приобщиться к прекрасному. Никто не заметил, что от толпы отделился маленький мальчик. Ему просто стало скучно: вокруг столько интересного, а рассказ такой нудный... Запахи, яркие краски, звуки... Он прислушался... Что-то шуршащее, скользкое... Словно вода, бегущая между камнями... Набирающая силу...

Звуки исходили из оранжереи, и он недолго думая направился туда.

– Сегодня, в День города, на территории нашего Сада расцветет «Царица ночи». Такое случается лишь раз в год. На растении появляется всего один, но очень крупный цветок. Он расцветет всего на одну ночь, а к утру уже увянет, – рассказывал экскурсовод, но ребенок не слышал его. Звуки – вот что его сейчас занимало. Они становились все четче, все громче. Мальчик, расталкивая толпу,

пробивался вперед, еще чуть-чуть – и он будет у цели...

Вдруг резко потемнело, и его сбил с ног обжигающе жаркий поток ветра. Жар пробирал до костей, заполняя все внутри огнем и ужасом, было больно, очень больно: словно тысячи маленьких ножичков кромсали его тельце. Его одежда намокла, пропиталась липкой теплой кровью... А звуки... Они заполнили все вокруг, накрыли с головой....

Мальчик, собрав все оставшиеся силы, закричал...

* * *

Виктор пропустил вперед друзей, а сам сделал шаг в сторону зияющего мрачной чернильной темнотой входа в оранжерею. Шаг, другой... И вдруг что-то ослепляюще ярко вспыхнуло впереди. Он инстинктивно прикрыл рукой глаза, недолго постоял и осторожно раздвинул пальцы. И увидел его...

Необыкновенной красоты цветок! Ярко-желтые лепестки излучали теплоту. Тоненькие волоски, коих было тысячи, плавно двигались, как бы приглашая: «Иди сюда!». Сильно, заглушая все остальные ароматы, запахло ванилью. Блаженство и покой. Виктор повернулся, чтобы позвать друзей и... Что-то хрустнуло под ногами. Он испугался, шагнул в сторону, но, поскользнувшись, не удержался и всем телом упал прямо на чудесный цветок. И тут же миллионы мелких иголок впились в него. Парень истошно заорал...

«Отряд не заметил потери бойца»... Ни Федору, ни Ивану в голову не могло прийти, что командир отступит от маршрута, поэтому, услышав крики, они не сразу поняли, откуда это. Пока разобрались, пока добежали... Секунды уходили, а с ними, казалось, и жизнь. Боль была невыносимой, пыльца растения забила нос и рот, лишая возможности нормально дышать. Когда друзья увидели его, Виктор уже хрипел.

– Тащи его! – Федор попытался ухватить друга за руку, но стебли прочно удерживали свою добычу. – А, чтоб тебя! Да как же это...

– Е..., да он весь в крови!

Пара минут – и вот уже не разобрать, где своя кровь, а где кровь друга...

– Живой?

– Да вроде дышит... Сходили за хлебушком. Что делать-то теперь будем?

– Что, что... Тащить. Давай сначала к стене, подальше от этой страшилищи, а потом надо найти что-нибудь типа носилок. И делать ноги отсюда!

– Да что мы тут найдем?! – Ванька не удержался, закричал.

– Постой. Я видел – там дверь валялась. Самое оно.

Внезапно за спиной послышалось рычание.

Виктор приоткрыл глаза...

За спинами ребят стояли собаки. Пока псов было лишь несколько, но к ним со всех сторон приближались еще и еще...

Собаки внимательно смотрели на своих жертв желтыми голодными глазами. Было ясно – для себя они все уже решили, и у людей не было ни малейшего шанса.

– Мать твою... за ногу... – обреченно произнес Федор.

Он только и успел подумать, что надо бы хоть что-то взять в руки, защититься, когда вожак стаи рыкнул, и свора накинулась на жертву...

Виктор оцепенел. На его глазах собаки рвали в клочья его друзей. Бились за каждый кусок, отталкивая друг друга, вгрызаясь в спины сородичей, выгрызая собственную плоть. Те, что были слабее, поспешили унести ноги, некоторые вылизывали смоченную кровью землю. Псы жадно глотали куски теплого мяса. Мяса, которое только что было его друзьями. Из перекушенной артерии брызнула кровь, несколько капель попали на лицо... Виктора обожгло, хотелось быстро смыть это, или хотя бы стереть, но тело было словно парализовано. Казалось, что высшие силы решили посмеяться над ним, в последние минуты жизни сделав невольным зрителем жестокой пьесы...

Все было кончено в считанные минуты.

Вожак стаи медленно подошел к Виктору, посмотрел в полные ужаса глаза, поднес пасть к лицу. От запаха крови парня замутило... Неожиданно огромная псина заскулила, сделала шаг назад, а потом истошно завывала... Спустя секунду к нему присоединились остальные. Собаки выли, словно оплакивая убиенных ими. А потом, когда странный ритуал был исполнен, повернулись и скрылись в зарослях.

Виктор смотрел вслед стае, силы медленно покидали его. Еще немного, и он потеряет сознание...

Интермедия первая

Как грибы с горохом воевали, или сказка, рассказанная на ночь

«Сказку рассказать? Кхм... Не особо я рассказчик-то... Да и в голову что-то ничего не лезет. Ладно... Только это скорее быль, чем обычная сказка. Что такое быль? От слова «было». Случилось все, значит, взаправду. Не выдумка, то есть. Вот так вот. А сказка, как известно, ложь. Да в ней намек, добрым молодцам – урок. А какой тут урок – вам самим решать. Если по мне, так теперь «Боржоми» пить поздно, почки давно отвалились. «Боржоми» что такое? Вода была когда-то такая, лечились ею. По мне – редкая гадость, но люди любили. В Грузии городок есть... Или был уже, наверное. Вот там ее и добывали. Как откуда? Из-под земли, откуда еще. Про Грузию рассказать? А что про нее рассказывать? Вы у Ираклия спросите, он, вроде, у нас грузин. Не был там, правда, никогда, но грузин, раз фамилия на «швили». Все, хватит вопросов, слушать будем? Будем, тогда поехали.

Как там обычно начинается? Давным-давно, жили-были... Долго ли, коротко ли... Вам, лучше знать, короче. Давно это было уже. Жили тогда люди и не тужили. Под землей от радиации не прятались, солнышка не боялись, строили дома и дворцы, и вообще, имели все, что хотели.

Ах, вы все это и без меня знаете? Чего тогда привязались – сказку им? Не хотите слушать – марш спать! Что, хотите? Мне продолжать? То-то же, оглоеды...

На чем остановились? Что люди жили наверху? И имели все, что хотели? Так? И, само собой, считали себя всемогущими и на земле самыми главными. И совсем не думали, что не одни они такие умные, и что если кто-то не умеет говорить или передвигаться, то это не значит, что он не живой и ничего не чувствует. Не все, конечно, некоторые знали, что и растения говорят, и животные. Не так, как люди, но говорят. И сами с ними тоже разговаривали. Но таких совсем мало было. Не верите мне? Если честно, я и сам не особо верю. Но мало ли какие чудеса случаются? Мы своим куцым умишком много чего понять не в силах, уж поверьте мне, старику.

Так вот. Город наш, Петербург, когда-то столицей был, самым главным городом в стране, то есть. Само собой, его и украсить хотели получше, и диковинок чудных сюда со всего света везли. Диковинки разные бывают, есть вещи, а есть деревья, цветы, звери, опять же. Такие, что в других странах есть, а у нас не водятся. Поэтому и диковинка, удивительные, значит. Вот велел царь свести в столицу со всего света такие диковинные травы да цветы и посадить их в специальном месте, на огороде. Огород называли Аптекарским. Вот почему Аптекарский – не знаю, не спрашивайте. Может, вначале там только лечебные травки разводили, и больше ничего не было, может, еще что. Не знаю, короче. Как давно это было? Да лет четыреста назад... Митька! Срань тропическая! Еще раз свистнешь в помещении – уши оторву! Дивно ему... Почему свистеть нельзя? Примета такая, говорят, денег не будет... Нельзя, короче, и все тут! О чем я, значит? Ну, сначала это был огород, небольшой совсем. Но растения, кусты, деревья там разные все везли и везли. И с Севера, и из теплых стран. Стали для них строить теплицы, оранжереи, чтоб не замерзли они у нас. Не для всех, конечно, северным наши холода нипочем, а вот на юге зимы нету, там всегда тепло, замерзнут они у нас без укрытия. Так и превратился огород в сад. И называли его Ботаническим. Ботаника – наука такая, про растения, название от этого слова и пошло. Парк получился огромным: были там и редкие нежные орхидеи, и раскидистые пальмы, и прекрасные лотосы, и огромные кувшинки, у которых на листьях по три человека спокойно уместятся. Думаешь, не бывает таких? А что, орхидеи, которые всю местную живность подъели, бывают? Ну да, для вас это-то как раз не в диковинку. Так вот, мелюзга, в ТО время как раз огромными были кувшинки, а вот орхидеи росли дома в горшках, питались водичкой и радовали хозяев красивыми цветочками. Не верите? А так и было! Мир сейчас просто другой, все другое стало... Вот, значит... Были в Ботаническом саду лианы, папоротники, невиданные деревья, яркие цветы, и

все это благоухало, ну, пахло, то есть, хорошо, приятно очень, поражало воображение, а иногда и пугало. Были там и кактусы. А среди них самый прекрасный и самый старый – Царица ночи. Ее цветами приезжали любоваться со всего света, такие они красивые, и пахли обалденно. Но цвели всего одну ночь.

И вот случилась беда... Довы... да, довыступались люди. Мерялись, мерялись пипи... Кхм... Ну, спорили, значит, кто сильнее, и dospорились, уничтожили и себя, и все вокруг. Ну, это вы и без меня знаете. Все уничтожили.

Кроме, получается, Ботанического сада. И вот что вы так на меня смотрите? Раз он до сих пор есть, то значит, уцелел тогда. Почему? Лично я не знаю. И никто не знает, это я вам точно говорю. Может, просто повезло? Но что имеем, то и имеем: не погиб, не сгорел, не вымерз. Только вот какое дело... Вроде глянешь – кажись, и не изменилось ничего. И орхидеи цветут, и лианы выются, да только не так все, как раньше было! Другим сад стал, совсем другим... Страшным. Стали люди говорить, что он словно живой, словно наблюдает за людьми, присматривается. Кто сам не видел этого – смеялся, не верил, а кто бывал там, отказывался идти опять. Страх был так велик, что люди не срубили на дрова ни одного дерева.

Да что вы со своим «почему» пристали? Говорю: я не знаю! И никто не знает, что такое с ним произошло. Может, потому как дрянь особенную на нас какую сбросили? Теперь же не спросишь никого, кто бросал, сами, чай, давно сгнили.

Что прицепились? Страшно? Эх, вы, мелочь пузатая... Я тоже, когда маленьким был, страшилки любил. Все любили. «В черном-черном доме жил черный-черный человек»... Ладно, ладно, расскажу. Но – чур, потом, а то эту сказку никогда не закончу.

И вот, стал сад другим, словно живым. Но что там на самом деле происходило, не знал никто, боялись люди туда ходить. А в саду действительно происходили странные вещи. Все растения в один прекрасный момент собрались на совет. Совсем как люди. Вы-то уж теперь знаете, что деревья с кустами ходить умеют. Так вот, пришли они все к Царице, как самой старой и уважаемой в саду. И стали говорить, что теперь пришло их время, пора-де выгнать человека с их территории. Вспомнили старые обиды, как ломали люди ветки, рвали цветы, топтали и унижали. Но нашлись и те, кто вступился за людей, вспомнил, что много и хорошего человек для них сделал. Да вот хотя бы сюда, в Ботанический

сад, перевез. Кто знает, может именно поэтому-то они все и живы остались? Укрывал их, опять же, поливал, ухаживал. Долго спорили, а Царица все молчала и слушала. Все ждали: а что она скажет? Долго молчала Царица, а потом возьми и заяви: поскольку я тут самая старшая, самая умная и красивая, то повелеваю – оставить человека в покое, ничем ему не вредить, и даже во всем помогать! Он нам, цветам и деревьям, еще сгодится! И начался тут такой бедлам! Каждое растение имело свой голос и свое мнение, и каждый хотел, чтоб его выслушали. И тут Царица ножкой ка-ак топнет! Нет, нету у нее никаких ног, откуда у цветка ноги?! Просто выражение есть такое – топнуть ногой. То есть приказать. Так вот, Царица и говорит: я тут главная, меня Царицей назвали, и все, кто против меня, – мои враги! Кто-то, конечно, возмутился: чего-де этот кактус себе позволяет? Подумаешь, цветок с иголками! Другие, наоборот, поддержали ее, признали авторитет. Бузить, само собой, начали кувшинки да лотосы, давно они Царице завидовали: как же, вот ничуть не хуже цветут, и красотой и редкостью удались, а народ ломится смотреть на какую-то там колючку-переростка, которая и цветет-то всего раз в году! Поддержали их лишайники да елки с соснами, у них к человеку свои счеты имелись. Ну а все кактусы, лианы и пальмы за Царицу горой встали. Сначала просто ругались, первенство оспаривали. А потом... Потом началась настоящая война! Кактусы кололи колючками, лианы душили, пальмы кидались орехами. Ели да сосны тоже не отставали, тоже свои колючки в ход пустили, смолой противника клеили да в бассейны к кувшинкам кидали, где те топили противника... Долго война шла. Победила Царица своих противников: как поняли те, что сильнее она, решили сами подчиниться, а то так недалеко и совсем пропасть. Было бы из-за чего! Давно это было, сейчас в саду тишь да благодать, своим хорошо, а чужие давно знают – туда лучше не соваться. Ну и мы с тех пор безбедно жить стали: сад охраняет нас, еду дает. Мы его тоже не забываем, ухаживаем, удобряем. И всем хорошо.

Вот такая сказка. Что, говоришь, сам придумал все? Конечно, придумал чуток, кто ж знает, как они там воевали? Но в остальном все – чистейшая правда. А теперь – спать всем! Про черного человека рассказать? Нет уж, сейчас поздно, завтра, все завтра».

Глава первая

Хранитель Ее Величества

10 ноября 2033 года, утро. Станция метро Петроградская

Еще сегодня утром Виктор Михайлович Лазарев, Хранитель, второе лицо на станции Петроградская, не мог даже вообразить, что жизнь выкинет с ним такой удивительный финт.

Утро было вполне обычным, и никто бы не сказал, что обратный отсчет уже пошел, часики тикают. И это никоим образом не было связано с тем сном, что привиделся Виктору перед пробуждением. Сон был настолько яркий, всамделишный, что, проснувшись, Хранитель никак не мог прийти в себя: граница между тем и этим миром истончилась, практически стерлась, и было не ясно, пережил он все это на самом деле или только во сне.

* * *

Главная Оранжерея уже светилась ярким пятном в глубине Леса. Царица ждала своих жрецов, верных пажей. Ждала поклонения. Монахи Апокалипсиса встали у дверей Главного Входа. Тишина... Лишь звуки потрескивающего пламени. Царица любит тишину.

Становится темнее. Свет от факелов уже вовсе не разгоняет мрак, Лес будто намеренно сгущает краски, нагоняет таинственности.

Сейчас... Еще мгновение, и она заговорит, запоеет свою песню...

В тишине слышно, как стучат сердца вновь избранных. Вновь представленных... Так было бы правильнее.

Стоп! Вот оно! Зашуршало, словно воды горной реки побежали по высохшему руслу... Царица начала свой монолог. Шум нарастал...

Идеальная, геометрически правильная форма цветка... Кто же тебя создал? Неужели Господь Бог постарался? Иглы начали свой безумный магический хоровод. Цветок раскрыл свои лепестки, словно приглашая к себе, маня, завлекая... Одновременно воздух наполнился сладким до приторности, сводящим с ума запахом...

«Монахи» незаметно натянули на лицо респираторы... Боятся? Вполне возможно. То, что выделяла сейчас Царица, походило на гипнотический сеанс. Хранитель поймал себя на мысли, что и сам непроизвольно сделал несколько шагов в сторону растения...

Что это с ним? Один из юнцов вышел из толпы и медленно пошел в Оранжерею.

Стоять!!! Но слова застряли в горле, а сам он, словно парализованный, не смог сдвинуться с места... Как и все остальные.

Не было криков, пыльца растения – сильный анальгетик, так что жертва, скорее всего, даже не почувствовала боли. Было лишь удивление в глазах, когда иголки рвали на части худенькое тельце...

Обратно шли молча. Кровавое действие, свидетелями которого они стали, на всех подействовало по-разному. Когда прошел паралич, кого-то стало выворачивать наизнанку, кто-то забился в истерике, а кто-то так и остался стоять, оцепеневший от ужаса. Потом, когда первый шок прошел, на смену пришло осознание произошедшего, и юнцы заметно оживились. Еще бы! Смерть прошла совсем рядом, даже задела краешком косы! Но ты жив! И теперь уже не просто избранный, а самый что ни на есть Избранный! Впереди коленопреклонение перед Смотрителем и... Впереди целая жизнь!

До Станции оставалось совсем ничего, как вдруг послышался протяжный вой и рычание. Обычное дело, учитывая близость проспекта. На все, что произошло потом, судьба отвела считанные секунды, растянувшиеся для Хранителя на долгие часы. Как в замедленной съемке.

Вот у одного из юнцов появился в руках клинок... Какая сволочь пропустила его в Лес с оружием?

– Етить!!! – Виктор бросился к парню, понимая, что уже не успеет...

Вот клинок вгрызается в ветку лианы, что метнулась в сторону парня. Брызнул сок, ветка скорчилась от боли, изогнулась, и сразу же Лес пришел в движение. Мальки запаниковали, и вот уже ножи появились в руках еще у двух мальчишек...

– Идиоты!

Все идиоты, дебилы, недоноски! И он дебил! Раз проворонил такое!

Монахи спешно пытались загасить пламя факелов: теперь каждая мелочь могла показаться Лесу угрозой, направленной в его сторону.

Схватив за шкуру ближайшего к нему паренька, Хранитель попытался отнять нож, но не тут-то было: мальчишка извернулся ужом и вырвался, но убежать не сумел, шлепнулся благодаря мастерски поставленной подножке.

– Ах ты, гаденыш! – Хранитель рывком поставил его на ноги, одновременно выворачивая кисть. Нож выпал.

И в этот момент началось... Сначала из глубины леса послышался нарастающий шум. Будто разом зашуршали тысячи листьев. Словно великан отправился на прогулку... Задрожала земля.

– А-а-а... Черт! Что уставились? – рявкнул он на испуганных подростков. – К вестибюлю! Бегом! Быстрее!!!

Солнце еще не встало, и в предрассветном сумраке вход на станцию едва просматривался. Только бы успеть добежать, только бы... Тычки, пинки, пара крепких фраз сделали свое дело: народ наконец-то опомнился. И побежал. Только бы успеть, только бы успеть...

Сзади послышался крик ужаса... И тут же оборвался. Это лианы выхватили из толпы своего обидчика и теперь рвали его на части.

– Не останавливаться! Иначе все тут останемся!

Неожиданно земля под ногами разошлась, словно ее разрезали острым ножом на две половинки. Кто-то успел проскочить, а вот тех, кто остался позади, накрыло листьями папоротника, заглушившего истошные крики о помощи. Корни, словно ножи гигантской мясорубки, рубили и перемешивали то, что еще недавно было человеком...

Последний рывок... Те, кому удалось спастись, вбежали в помещение вестибюля станции. Двери захлопнулись за ними, перерубая корни деревьев.

* * *

Стук в дверь вернул Хранителя в реальность. С минуту он приходил в себя, прогоняя из мыслей остатки ночного кошмара, пока в дверь не постучали еще раз. Уже настойчивее.

– Виктор Михайлович?

Голос был тихий, тон угодливо-подобострастный, казалось, говоривший боялся побеспокоить или, господи упаси, разгневать того, кто находился сейчас в бывшей подсобке, переоборудованной под жилье. Макс... Посыльный от начальства. Виктор вестового недолюбливал, его манеры раздражали, но сейчас этот пидаренок появился очень кстати.

– Сейчас...

Скрипнул диван, щелкнул выключатель... Виктор зажмурился – единственная лампочка под самым потолком горела вполнакала, но после кромешной темноты и этот свет раздражал.

Хранитель накинул куртку, внимательно осмотрел себя в зеркало (редкая вещь, тем более, что не какой-то там осколок, а даже не треснутое целое зеркало в изящной раме) и остался доволен. Пусть афганка и не новая, выдавшая виды, но настоящая, и сидит на нем как влитая, и это несмотря на пару-тройку лишних килограммов и небольшой «пивной» животик. Глаза с прищуром. Темно-синие, они замечательно подходят к его темным волосам и бледному лицу. Он пригладил волосы расческой и улыбнулся своему отражению.

Виктор открыл дверь.

Спина парня, покорно ждавшего у порога, согнулась в поклоне. Хранитель не сомневался: в этой позе Максик стоял с того самого момента, как стукнул ему в дверь. Любит парень вылизывать чужие попы, особенно если это попы начальственные. Что ж, каждый делает карьеру, как может. Ну да и пес с ним, с

этим Максом, его половая трагедия.

– Роман Ильич просил вам передать, – парень сделал шаг, намереваясь войти внутрь.

– Не нужно, я сам.

Виктор решительно взял поднос. Ого, тяжеленький. И что там у нас?

– Роман Ильич просил передать, что это Ваш завтрак, и что на сегодня он отменил Совет, можете приходить прямо на церемонию.

А вот это – сюрприз! На подносе, помимо праздничного набора, который полагался всем, стояла кастрюлька с гороховой кашей – завтрак.

Виктор снял с подноса салфетку. Настоящую, с вышивкой по краю, чисто выстиранную, подкрахмаленную и поглаженную. Ну, Роман Ильич... Пустячок, а приятно. Интересно, он изображает заботу или вот на самом деле такой радетельный? Сам Хранитель не доверял начальнику ни на йоту: слишком много между ними всего, слишком все запущено. Он сам, будь он на месте Романа Ильича, попытался бы от себя избавиться. Только, как говорила покойница бабушка, – бодливой корове бог рога не дал: руки у начальничка связаны, да еще и как крепко-то. И досточтимый Роман Ильич про это очень хорошо знает. Хотя... Может, Виктор все это придумал, и Ромаша в Хранителе души не чаёт? Да только ему-то, Виктору, какое до этого дело? Смотритель мешает ему – это главное.

Мысли о том, что его недооценивают, появились совсем некстати и изрядно подпортили Хранителю аппетит. Они, мысли эти, не были неожиданными или новыми, наоборот, изводили Виктора с тех самых пор, как он осознал себя именно тем, кем и являлся на самом деле – истинным хозяином станции, тем, от кого зависит благополучие, да и сама жизнь в этой богом забытой дыре. Хранителем.

Проклятый червяк! Засел внутри и гложет, гложет. И плевать ему на все уговоры – убеждения, что на славу падки лишь дурачки, что истинная власть не любит публичности, что глупо обижаться, что тебе не воздают должных почестей. У червяка своя логика: вот, смотри, эти люди обязаны тебе всем, а благодарности

от них никакой. И все потому, что тогда, пятнадцать лет назад, один из вас – Роман Ильич – уже был начальником станции, а второй – это ты, господин-товарищ Лазарев, – всего лишь Витькой, Виктором или, для своих, Ботаником, Ботаном, студентом-недоучкой с подмоченной репутацией.

* * *

Как ни старался Хранитель тянуть время, смаковать каждый кусок нехитрой еды, с завтраком он все равно покончил быстро. Так же быстро исчезли с подноса и деликатесы.

Но на подносе помимо всего стоял еще и небольшой щербатый чайник! И Хранитель знал, что туда налито.

– Кофе, – он блаженно зажмурился.

На Петроградской не голодали. Да, еда была не бог весть какая, и рацион скудненький, но Ботаничка исправно снабжала их почти всем необходимым, только вот настоящий, довоенный, кофе, как и чай, были редкостью. Может, и росли они когда-то на территории Сада, но, наверное, просто не сумели приспособиться к новым условиям. По крайней мере, ничего даже отдаленно похожего на чайные кусты или кофейные деревья Виктор на территории Ботанички не встречал, поэтому обходились, как все, тем, что принесут сверху, или травками. Давно еще, лет пять назад, петроградцам повезло набрести на нетронутый продуктовый склад. Хорошо они тогда поживились, но все уже закончилось, а вот кофе – остался. Ильич, тут надо отдать ему должное, распорядился выдавать его только по большим праздникам. И сам, насколько верным было сарафанное радио, служебным положением не пользовался и в обычные дни к напитку – ни-ни.

Больше так вот не везло, кофе, в зернах или растворимый, попадался, конечно, но не такими огромными партиями. Да и качество оставляло желать лучшего.

Глава вторая

День Первого Цветения

10–11 ноября 2033 года. Станция метро Петроградская, Ботанический сад

Виктор посмотрел на часы (еще один, помимо зеркала, раритет, привет из прошлого мира). До начала церемонии два часа. Может, заскочить в лабораторию? Поколдовать немного? Или хоть почитать ту книгу, что вчера принес ему Кот? Не болтаться же, на самом деле, эти два часа по платформе? И у себя в четырех стенах сидеть тоже не хотелось.

Вообще-то Хранитель любил гулять по станции, но только ночью, когда можно было насладиться тишиной. Тут никогда не было архитектурных излишеств – белые стены, белый же потолок, черные двери, отделяющие платформу от путей. Торжественно и очень интеллигентно. Пусть сейчас Петроградская выглядела совсем не так, как в лучшие свои годы: и стены, и потолок потемнели, вернуть им прежнюю белизну не смогла бы даже самая тщательная уборка; разномастные, штопаные-перештопаные палатки, «домики» из досок в один-два этажа, веревки с выстиранным бельем – ничего из этого не прибавляло ей красоты, но это был его дом, и, если присмотреться, в этом кажущемся хаосе был свой четкий порядок. В каком-то смысле им повезло: в момент катастрофы на станции навечно остановились оба поезда, и двери к путям оказались открыты. Начальство сразу решило, что отдавать вагоны под жилье будет слишком жирно, поэтому их приспособили под хозяйственные нужды, школу и медпункт. Да и к лучшему: Хранитель вот вообще не представлял, как можно жить в вагонах, если двери в них никогда не закрывались.

Петроградская, обычно полутемная и полупустая, на редких гостей производила впечатление неухоженной и малообитаемой. Это до Катастрофы станция была фактически в центре города, а сейчас она оказалась на периферии Большого метро, до которого теперь было как пешком до Парижа (или раком до Пекина, кому как больше нравится) в прежние времена, если учитывать все прелести подобного путешествия верхом. Да и под землей было не легче: путь преграждала затопленная Горьковская. А дальше по ветке на север и вообще было неведь что. Недостроенный туннель от Выборгской через Сапсониевскую и Ботаническую был чистым и безопасным, но пользовали его мало: кому надо переться сюда, на край географии? Разве что челнокам, но и то своим, проверенным, которые знают, что тут можно взять, что продать. Среди

остальных станция слыла мало что бедной, а еще и с обитателями, которые немного «ку-ку». Ну, не совсем обычные. Конечно, веганцы тоже были не совсем обычными, вроде, по слухам, и вовсе не люди. А вот эти как бы и не отличались ничем, но уж больно тихие, а в тихом омуте, все знают, черти водятся.

Обитателям Петроградской такая слава была на руку. мало кому из посторонних было известно, что и бедность, и темнота, и неухоженность – лишь ширма, мимикрия, защитная реакция. Вместе с товарами челноки приносили и новости о Большом метро. Событий было много, но до жути однообразных, уместающихся в одно слово: война. За ресурсы, за пространство. За право жить. Нет уж... Пусть все будут уверены – взять с них нечего, а сама станция, как территория, пригодная для жизни, не стоит и капельки тех усилий, что надо потратить на ее завоевание. Слава Царице!

Совсем иное – День Первого Цветения. Посторонний немало бы удивился тому чудесному преобразению, которое произошло и со станцией и с ее обитателями. Петроградская благоухала, причем в прямом смысле: Ботаничка поставляла людям не только необходимые продукты, но и цветы. В обычные дни в них надобности не было, но этот день был особенный. И как в прошлом украшали храмы на великие праздники, так и сейчас украшали станцию, превращая ее в своеобразное Святилище. Посвященное ей, Царице. Сам предмет поклонения, вернее, его изображение, красовался на стене, и был по данному случаю отмыт от вездесущей копоти. От грязи и копоти были отмыты и обитатели Петроградской: банный день накануне праздника был обязателен для всех без исключения. И последний штрих: лампы, обычно горящие вполнакала, по случаю праздника сияли на полную мощность.

Конечно же, день был нерабочий, и от людей на платформе было не протолкнуться.

– Виктор Михайлович, идите к нам!

Маша, местная кокетка и красавица. Усиленно строит ему глазки. А что, жених он завидный, при положении. Так что девушку понять вполне можно.

– Машенька, староват я для вашей компании.

Эх, Маша, Маша. Хороша ты, да не наша... Нет среди вас, милые и не очень девушки, для него достойной пары, нет. Не родилась еще. Поэтому с семьей и потомством придется подождать. Только если время провести. Вам-то это, дорогие мои, зачем? Да и ему не особо охота допускать до себя чужих. Раньше для этих целей у него была Люська, Люсинда, незаменимая и всегда верная. Несмотря ни на что. Только нет ее, года три как уже нет. Пропала, и не нашли.

* * *

Импровизированная трибуна буквально утопала в цветах. До праздничного действия оставался еще час с небольшим, но народ уже начал понемногу кучковаться, рассаживаться, кто на принесенные с собой табуреты и стулья, а кто и прямо на пол.

Сценарий торжества был установлен пятнадцать лет назад, и с тех пор не менялся. Сначала на трибуну поднимутся члены Совета, чинно рассядутся по своим местам. Спустя пару минут появится Смотритель. Постаревший и поседевший, чуток обрюзгший, по мнению Виктора – чуток же поглупевший – как-никак, но возраст, почти шестьдесят, удобный для всех начальник Петроградской. Когда-нибудь, возможно, он и превратится в свадебного генерала, но пока еще крепко держит станцию. Смотрителя любят, уважают, к его мнению прислушиваются, поэтому при появлении все (в том числе и те, кто на трибуне) повскакивают со своих мест, приветствуя его. Словно никогда не видели... И Виктор тоже будет хлопать в ладоши вместе со всеми. Хоть при этом и скрипеть зубами от злости и негодования. А потом будет проповедь. Торжественное приветствие, если правильно, но Лазарев предпочитал называть это проповедью. Она затянется не меньше, чем на час: не блиставший в обычной жизни красноречием, тут Роман Ильич преображался. Кто бы сказал, что Смотритель может быть настолько велеречивым? А потом он произнесет свое извечное: «А теперь, дети мои», и начнется представление новообращенных. Это еще с час. И только потом все пойдут на праздничный обед. А он, Хранитель, отправится наверх, в Ботанический сад, отрекомендовать Царице очередное поколение ее верных слуг. И именно ради этого представления и была затеяна вся байда.

На поклон шли те, кому в прошедшем году исполнилось четырнадцать. Кто первый предложил эту идею, Виктор уже и не помнит, но обычай прижился, с его же легкой руки получил громкое название – инициация, вступление во

взрослую жизнь, и очень ему нравился. Сам Хранитель бывал в Ботаничке чуть ли не ежедневно, но то была работа. А тут – развлечение.

Все было продумано до мелочей – и маршрут, и оформление действия, и подготовка юнцов к походу. Нужно ли было все это? Хранитель до сих пор не мог ответить на этот вопрос, но от факта, что после похода к Царице люди меняются, никуда не деться.

* * *

Погода была что надо, легкий мороз подобрал воду, что всю последнюю неделю щедро лилась сверху в виде дождя, изредка разбавляемого мокрым снегом. Теперь остатки этого снега блестели по краям замерзших луж, словно крупички сахара на стакане с коктейлем в прежние времена. Было светло: луна, цыганское солнышко, сияла на полную катушку.

Подростки поеживались от холода и старались не смотреть вверх, где был не привычный потолок, а такое бездонное и страшное небо. Первый шок прошел, и сейчас они активно крутили головами в разные стороны. А посмотреть было на что. О прошлой катастрофе тут напоминали лишь проржавевшие насквозь автомобили на проезжей части Каменноостровского проспекта. Дома на противоположной стороне улицы обветшали и частично разрушились, но скорее от времени и отсутствия должного ухода, нежели от внешнего воздействия, поэтому в неверном свете луны-обманщицы казались живыми. Именно живыми – наполненными жизнью, а не мертвыми коробками, коими были на самом деле. Подросткам было этого не понять, они не видели раньше ничего подобного, а Виктор всегда ждал: вот в глубине какой-нибудь квартиры зажжется свет, потом еще и еще, потом скрипнет дверь парадного... Наваждение. Оно рассеется без следа, стоит только повернуть голову и взглянуть на другую сторону проспекта. Хотя другой-то как раз и не было. От слова вообще. Вместо нее был лес, или, правильнее сказать, разросшийся до размеров хорошего леса Ботанический сад. Медленно, но неуклонно сад отвоевывал у города метр за метром, квартал за кварталом. Лианы, эти ползучие порождения ада, оплетали дома, вырывали оконные рамы, разрезали крыши... Дикий, дремучий, пугающий своей необыкновенной красотой и буйством красок, лес возвращался в свои законные владения. Но теперь он был совсем не тот, что когда-то открылся людям, впервые попавшим на берега реки Карповки. Сразу и не поймешь – то ли рай для ботаника, то ли путевка ему в сумасшедший дом. Линней бы вот точняк умом

чокнулся, увидев, как почил в бозе его теория видов. А на пару с ним, однозначно, и Дарвин... Такая вот веселая компания титулованных психов.

Пока сад еще не перебрался через дорогу, видимо проспект был слишком широк для него. Только надолго ли?

Говорят, время движется по спирали. Если так, то эта спираль, в конце концов, получилась дьявольски извращенной: мир вернулся к начальной точке, только на этом уровне природа больше не хочет иметь дело с человеком. Достал!..

* * *

Конечно, можно было вывести группу не на Каменостровский проспект, а через другой выход. Но тогда новообращенным ни за что бы не оценить той первобытной мощи, которую сейчас являл собой Ботанический сад и перед которой они были, есть и всегда будут никто и звать никак.

Хранитель в последний раз внимательно осмотрел отряд, представляющий собой весьма комичное зрелище: богатырским сложением никто из деток не удался, хитрость была не по размеру, чувствовали они себя в ней явно неуютно, но пыжились изо всех сил, стараясь не показать волнения и страха. Эх, вот ржачно, а смеяться никак нельзя, поймут неправильно: для них-то все очень серьезно и торжественно, вдруг обидятся? А кто знает, может именно эти юнцы когда-нибудь первыми и присягнут ему?

Хранитель отдал команду двигаться, и маленький отряд вступил под покровы Леса. Виктор не раз и не два ходил этим маршрутом, да и вообще в саду проводил чуть ли не больше времени, чем на станции, и каждый раз на память приходил фильм из детства, «Сказка о Потерянном Времени». Тот самый, где дети-старички попали в дремучий волшебный лес. Для него Сад всегда, с самого начала, был таким же волшебным лесом. Тут, посреди чащи он всегда чувствовал себя маленьким мальчиком, беззащитным перед грозной стихией. И обмирал от восторга!

Расстояние, которое предстояло пройти отряду, было не малым, но за свою жизнь люди могли не беспокоиться: нечисть, наводнившая Питер в последние годы, обходила Лес стороной, а если кто и рисковал нарушить его границы, то

съедался еще на дальних подступах: орхидеи, наследники наперстянки, достойно продолжали ее кровавое дело.

Виктору нравилось в Лесу. Пожалуй, это был его единственный друг, понимающий и не способный на предательство. И еще: у Леса было одно удивительно свойство – почти всегда приятная, ароматная, чуть прохладная осень. А когда за его пределами бушевала гроза или солнце выжигало все вокруг, тут просто лил дождь или было по-летнему тепло и комфортно. Конечно, все это легко можно было бы объяснить «с научной точки зрения», но тогда бы исчезло ощущение сказки, поэтому Хранитель оставил за собой право просто удивляться, не забывая себе голову ненужными мыслями.

Где-то вдали громко охнула птица, и ей сразу же ответили криками и воем.

Виктор поднял руку, останавливая шествие: правила шоу предписывали нагнать на испытуемых побольше страху. Крики стихли, и отряд продолжил движение. Теперь тишину Леса нарушал лишь шелест листьев под ногами и потрескивание факелов. Факельное шествие – идея неугомонного Смотрителя. Виктор сначала воспротивился: с огнем в лес? Но потом уступил. И не прогадал: все-таки было в этом неровном свете что-то первобытное, дикое, и это как нельзя лучше соответствовало моменту. Потрескивание горячей смолы, длинные тени, угольная чернота за пределами досягаемости огня... Атмосферно! От фонариков такого эффекта не дождешься.

Ильич вообще любил нововведения. Похвально, конечно. Если бы иногда от них, нововведений этих, не тянуло за версту откровенным маразмом. Хотя, что взять с человека, который последний раз был на поверхности как раз два десятка лет назад, перед тем как спуститься в метро на всю оставшуюся жизнь?..

Хранитель специально поставил людей в цепочку: новообращенные должны в полной мере ощутить свое одиночество в этом мире, чтоб потом по достоинству оценить то, что дарует им Царица. Сам он шел замыкающим: проводники тут были не нужны, тропинка была одна, никаких развилок не предусматривалось: везде был непроходимый лес. Впереди шли сопровождающие. В шутку прозванные Смотрителем Монахами Апокалипсиса, они не переставая бубнили одним им известную молитву во славу Царицы. И это опять же было частью ритуала. Текст был произвольным – читай хоть «Отче Наш», лишь бы было непонятно и жутко.

Вопрос, каким путем водить новообращенных на поклон к Царице, не вставал никогда: он, Сад, сам проложил этот маршрут, вернее, оставил для людей тропу, по которой туда можно было добраться. Иногда Хранителю казалось, что деревья читают его мысли, угадывают желания. Разумные растения? Для любого жителя Петроградской в этом не было ничего удивительного, а для Виктора, сына и внука сотрудников Ботанического сада, тем более, но лишь до определенного предела. Поэтому какая-то часть его мозга отказывалась верить, сопротивлялась, не желала признавать эти бездушные палки равными ему, человеку. Только вот как ни крути, это ничегошеньки не меняло!

А посему маршрут от станции до Ботанического сада можно было смело считать совместным творением его, Хранителя, и Леса, и не разобрать, кто из них был в этом тандеме главным.

Избушка на курьих ножках возникла на пути, как всегда, неожиданно. Казалось, дом действительно сказочный, и передвигается по Лесу, как ему заблагорассудится. Он так же, как и все вокруг, был обвит лианами, но совсем не походил на бесформенную кучу из стеблей и листьев. Мощные бетонные опоры, на которых держался дом, окаменелые панцири виноградных улиток, особым образом сложенные у их основания (работа уже не Леса, но людей) – вот вам и полная иллюзия куриных ног. Вьющиеся плети тихонько шевелились, и со стороны казалось, что дом переминается с ноги на ногу. А что если произнести это сказочное: «Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом»? Шальная мысль ушла, как и появилась, оставив послевкусие в виде легкого разочарования: не время для хулиганства, даже такого невинного. Положение, мать его ети, обязывает... Хотя и не только положение. Неизвестно, чем может обернуться подобная шутка, и если поворот огромного дома на сто восемьдесят градусов начисто исключался, то вот появление местной постъядерной Бабы Яги – совсем нет. Кто знает, на какие шутки способен Лес? Захотели поиграться – получите, распишитесь, уплачено. Тем более что дом производил впечатление вполне обитаемого, и если верхние этажи полностью утопали в растительности, то в окошках первого на «подоконниках» стояли «цветы в горшках», тихонько, как от легкого ветра, колыхались лианы – «занавески». И... «гвоздь программы»: массивные «дубовые» двери-ворота, увитые хвощем-хамелеоном, – его стебли и листья не только постоянно меняли цвет, но еще и люминесцировали в придачу. Эффект получался убойный: казалось, что двери открываются, а некоторые с испуга умудрялись еще и услышать поскрипывание несмазанных петель. Конечно, никаких ворот тут не было и в помине, по крайней мере, в тот момент, когда дом строился и сдавался в эксплуатацию. И Хранителю очень бы хотелось так думать. Но кто за это поручится? Кто скажет, что створки дверей, которые с

успехом изображает дуб-пластун, не откроются со скрипом и незабвенная Баба Яга не появится на крыльце?.. Игра воображения? А может быть, реальность? Хранитель передернул плечами: уже сколько раз он проходил тут, но привыкнуть к зрелищу и относиться к нему спокойно, без мурашек, не мог.

Мужчина посмотрел на юнцов. Те, плотно прижавшись друг к другу, не отрываясь смотрели на Избушку. Зацепило... Виктор позволил себе улыбнуться.

И дал команду двигаться дальше: приключения только начались! Есть надежда, что к Царице детки доберутся в нужной кондиции.

Вновь что-то охнуло над головами путников и сразу же затихло... И лишь хруст ломающихся костей и утробное чавканье. Орхидеи знали свое дело.

Крайний из подростков пискнул, повернулся, бросился, было, бежать, но тут же наткнулся на Хранителя, от которого получил здорового леща. Девушка, это оказалась именно девушка, всхлипнула, но паниковать прекратила. Ничего, боль пройдет, а к своей избранности она еще привыкнет. Привыкнет, что в саду нет никакой нечисти, что зверье старается обойти его стороной, а голодные орхидеи, словно силы ПВО, надежно охраняют небо.

Акапельное, монотонное чтение молитвы то утихало, то вновь набирало силу. Еще немного, и они на месте. Дубль два: дом номер тринадцать... Иначе – Дом с Привидениями. Говорят, что в этих стенах действительно обитают духи бывших жителей, не успевших или не захотевших укрыться в момент катастрофы и погибших вместе со старым миром. И поэтому ненавидящих мир новый, а заодно и всех, кто сумел выжить тогда. Лес не жаловал этот дом, он словно обошел его стороной, боясь приближаться: вот и асфальт рядом с ним остался цел, а на земле в радиусе метров трех не было ни травинки, даже пожухлой. Каким-то чудом в окнах уцелели все стекла, и казалось, только они, да еще плотно закрытые двери, сдерживают внутри темную, злую силу. От дома веяло могильным холодом, но вот обойти не было никакой возможности. Да и не надо. Жуткое место, но Виктор специально задержался тут, ради подростков. И только когда увидел, что они буквально с ног валяются от ужаса, дал команду идти. Ничего... Так надо. На обратном пути они оценят все это.

Отсюда, от проклятого дома, уже отлично просматривались Великие Врата – вход в Ботанический сад. Он являл собой некий волшебный грот, раскрывшуюся

раковину, внутри которой находится драгоценная жемчужина – Царица.

А на фасаде здания напротив чудом сохранилась надпись: «УВЕРЕННОСТЬ В КАЖДОМ ШАГЕ...»

* * *

Царица... Знал ли человек, давший название этому цветку, о том, что его ждет? Какая судьба и какая роль? Да вряд ли.

Царица... Она всегда была ею, с самого первого дня. Это беззащитному человечеству нужно было искать способы выжить, а она уже все знала, ко всему была готова. Виктор благодарил того, старого, и, наверное, уже не всесильного бога за то, что свел их вместе в тот осенний день. За то, что назначил аудиенцию с Царицей. За это ему и спасибо и низкий поклон. А всего остального он добьется сам...

* * *

Подростки осторожно приблизились к растению. Запах, исходивший от раскрывшихся бутонов, кружил голову, неистовый танец острых иголок гипнотизировал, подчинял, лишал воли. И опять этот шепот, словно Царица пыталась сказать что-то важное, что он, Виктор Лазарев, никак не мог уловить...

Против своей воли он упал на колени, успев краем глаза заметить, что вслед за ним попадали и остальные. Слава Царице! Значит, то был только дурной сон, никакого «в руку», никакого пророчества.

Шепот цветка, бормотание монахов Апокалипсиса, запах ванили... Сколько раз он переживал это? Сколько раз вот так падал на колени перед повелительницей, неумолимо погружаясь в гипнотический транс? И ЧТО готов отдать, чтоб пережить это вновь и вновь?..

Все закончилось внезапно: бутоны схлопнулись, цветок затих, словно погрузился в спячку. Подростки постепенно приходили в себя. Покачиваясь и помогая друг другу, словно тяжелобольные, они поднимались с колен, удивленно, словно

впервые видели все это, осматривались вокруг. Хранитель был уверен – спроси сейчас каждого из этих детей: «А хочешь пережить все это еще раз?» – ответит: «Да!» Великое блаженство, счастье, которое словно выливается на тебя сверху, заворачивает в кокон, не спеша отпускать на волю...

Глава третья

Посланец из ада

11 ноября 2033 года, утро. Станция метро Петроградская

Нет ничего приятнее, чем возвращение домой. Даже если этот дом ну очень глубоко под землей. Маленький отряд ждали. Ритуал и тут был отработан до мелочей и известен всем: на сей раз – никаких торжественных речей, новообращенных встречал марш, исполненный Ленькой-музыкантом на аккордеоне. Под эту музыку подростки пройдут до стола, накрытого посередине перрона, где их, оголодавших, ждет праздничный обед, жители будут хлопать в ладоши и осыпать молодых людей цветами. А Хранитель наконец-то сможет отдохнуть: практически сутки на ногах, а он уже далеко не мальчик.

* * *

– Виктор Михайлович, там к Вам пришли.

– Кто еще?!

– Не представился. Он сейчас на посту у Ботанической, Вас ждет.

Да черт бы его побрал!..

Мужчина был невысок, лыс и по-спортивному ладно скроен.

– Виктор, как вас по бабушке?

– Хранитель.

Увидев замешательство на лице собеседника – тот явно не ожидал такого ответа, – Виктор злорадно хмыкнул: мужик не понравился ему сразу, какой-то слишком уж чистенький, вылизанный. И еще эта совсем не метрошная смуглость. И не природная, благоприобретенная, однозначно. Но откуда бы? И да – еще неприкрытое стремление доминировать. Сразу вспомнилась Маринка, университетская подружка. Как там у нее? «Не люблю, кто больше меня выеживается»? Вот и он, Виктор, не любил. Терпеть этого не мог.

– Хранитель, называйте меня Хранителем.

– Мне бы удобнее по имени-отчеству, но... Хозяин – барин, как вам будет угодно. Меня называйте Петр Иннокентьевич. Но можно и без отчества, уж больно оно у меня заковыристое.

Гость засмеялся. Вот только смех у него был неприятный, писклявый и... снисходительный.

Что ж. Петр Иннокентьевич, так Петр Иннокентьевич. И никаких Петров. Правда, до жути хотелось назвать этого Иннокентьевича просто Петрушей, или – Петрушкой. Хотя... Петрушкой не пойдет, слишком игриво. А тут противник серьезный.

Хранитель вряд ли смог бы сказать, почему записал пришлого в противники. Чуйка? Хрен ее знает. Но на друга этот хлыщ точно не тянул.

– И чем могу служить?

Хранитель был сама вежливость, и даже улыбался краешками рта, но взгляд слегка прищуренных глаз мог бы спокойно заморозить небольшой пруд. Гость или не заметил этого, или решил не обращать внимания.

– Вам, Виктор, наверняка интересно, почему я обратился именно к вам, минуя непосредственного начальника? И... Может, пригласите меня пройти?

Конечно, интересно. Особенно то, чем так Ильич провинился, что его кинули.

Мужчина понял молчание Хранителя по-своему.

– Вы не беспокойтесь, мой визит не официальный. И имею я разговор именно к вам. Так что?

Меньше всего Хранителю хотелось вести залетного в лабораторию.

– Михась, – Хранитель обратился к пареньку, дежурившему на блокпосту, – если меня кто спросит, я не принимаю, занят.

И уже к гостю:

– Что ж, добро пожаловать...

Но повел он его не на Ботаническую, а к себе...

* * *

– Интересная у вас станция. И детишек много. А Элиза – это из сказки?

Хранитель недоуменно посмотрел на гостя, не сразу сообразив, что тот имеет в виду. Надо же, какой внимательный...

Вывеску – «Мастерская Элизы» – прикрепил над дверью одного из вагонов какой-то шутник. Название прижилось: в вагончике ткали, вязали и шили из сырья, которое вряд ли можно назвать обычным. Да, сказку «Дикие лебеди» в детстве читали и любили все. Но одно дело – прочесть, как девушка вяжет кольчуги из крапивы для спасения братьев, и совсем другое – самим изготовить такую «кольчугу». И не только из крапивы. В ход шла хвоя из сада, на специальной, закрытой, делянке выращивалась конопля. В вагончике был конечный пункт большого производства. А в тупике, где в мирное время ночевали поезда, обрабатывали сырье. Работы тут хватало для всех, в том числе и для ребятни, которую хлебом не корми, дай попрыгать и побеситься. Вот и пусть прыгают, на мешках с вымоченной хвоей. Чем больше прыгают, тем быстрее получается

куделя. И вот уже жесткие иголки превращаются в пушистую массу. С крапивой все сложнее, туда малышня не пускают, силенок для ее обработки у них еще маловато. Не промышленное производство, конечно, кустарщина, но зато народ одеждой обеспечен, не в обносках ходит, все по размеру, полу и возрасту. И одежда эта вполне даже чистая, чище, по крайней мере, чем то, что из города приносят. Фонит, куда без этого, но в пределах нормы.

- Но, если честно, то я рассчитывал посмотреть вашу лабораторию.

Своей осведомленностью Петр Иннокентьевич явно хотел удивить Виктора. И ему это удалось. Выражение лица Хранителя изменилось всего на долю секунды, но гостю этого вполне хватило.

- Удивлены, что мы про нее в курсе?

- Да почему? А вы что, специалист?

Петр Иннокентьевич замялся: никаким специалистом он не был, и про лабораторию ляпнул просто так, чтоб набить себе цену. И вот теперь придется выкручиваться.

- Да что вы, нет. Просто слухами земля полнится, в наше время такого нигде не встретишь.

- В наше время много чего уже не встретишь. Так чем могу служить?

- Служить... Собственно, ничем. Скорее это я вам услужу. Что вы знаете про муринцев?

Муринцы... Те, кто живет в Мурино? И он, получается, должен про них знать?

- А что, обязан?

- Вот и спрашиваю. Это люди, которые не боятся радиации.

- А... Ясно. Ходят слухи.

– Это не слухи, люди вполне реальны. И, между прочим, это наследуется, как и ваши способности. Вот так-то.

У Хранителя перехватило дух. А что если?.. Насколько вообще это реально? Что, опять метод свободного тыка? Ладно, об этом он подумает позднее.

– А скажите, что это за аттракцион неслыханной щедрости? Альтруизм на пустом месте всегда подозрителен.

– А для нас это ничего не стоит. Вот результат... Если таковой будет.

И Петр Иннокентьевич опять противненько хихикнул.

– И где мне расписаться?

– Что? Не понял? – гость удивился, причем, вполне искренне.

– Кровью, говорю, где расписаться? Расписка где? – Хранитель деланно повисил голос, словно разговаривал с глухим, или глупым.

– А-а... Типа я дьявол, а вы мне душу продали? – и Петр рассмеялся уже во весь голос. – А что, остроумно.

– А разве не так? Свалился невесть откуда, кинул кость, а за результатом потом, мол, явлюсь. Так что, господин Вельзевул, или как там вас, палец резать будем?

– Обойдемся без крови. Результат, если таковой будет, конечно, не скроешь. А вот кое-какую информацию мы бы от вас с удовольствием получили.

– «Мы, Николай Второй»?..

– Вы шутник, Виктор. Мы – это те, кто меня сюда прислал. Эдем, слышали про такое? Так что, расскажете про вашу мутацию?

Глава четвертая

В начале было...

12 октября 2020 года. Станция метро Петроградская

- Ну что, очнулся?

- Найн, майн херц.

- Ты хоть сейчас не ерничай, скалозуб... Он жить-то будет? Места на нем целого нет.

- И что ты так за него трясешься? Прямо как за родного. Или мы чего-то не знаем, а?

- Рот закрой, балаболка. Лучше дело делай, а то истечет кровью совсем.

- Не истечет, царапины посохли уже. И где ж ты, зараза, такой бритвенный станок разыскал? Эй, Ботаник, слышишь меня?

- Дай ему еще нашатыря, что ли, нюхнуть тогда!

Не надо нашатыря! Он и так все слышит! Начальник, Ильич, его голос... А второй Пинцет, Митяй Караваев. И они вдвоем пытаются вернуть его в действительность. Реаниматоры, бля. Ладно Митяй, он хоть стремненький, но все равно медик, а Ильич-то чего тут суется? Послать бы их обоих ко всем чертям, да сил нету. Тоже мне доброхоты...

Характерные шаркающие шаги – Митяй чуть прихрамывал на одну ногу, скрип петель... И, спустя мгновение, в нос больно ударили пары спирта. Виктора передернуло, и он открыл глаза.

И тут же зажмурился вновь: свет показался нестерпимо ярким и резанул по живому. Виктор сделал попытку повернуться на бок и застонал: от движения

подсохшие было царапины открылись и закровоточили вновь, причиняя нестерпимую боль.

- Ты же сказал, что с ним все нормально?

- Само собой, нормально. Как, очнулся, болезный?

- Пошел к лешему, сadyга! Дантист хренов. Пинцет недоделанный!

- Не дантист, а стоматолог, это во-первых. А во-вторых, Пинцетом меня теперь не обидишь, привык, принял, смирился. Но вот заболит у тебя зубик, откажусь лечить за непочтение, - Митяй засмеялся. - Ладно, кончай симулировать. До свадьбы заживет. И даже много шрамов не обещаю. Так что не быть тебе бруталом, не надейся!

- Я и не надеюсь...

- О! Лопать будешь? Тебе сейчас полезно. У меня тут кой-чего завалилось.

Виктор открыл было рот, собираясь послать Митяя с его хавчиком подальше, но желудок, словно вспомнив, что его давно не кормили, призывно заурчал. Пожалуй, можно и перекусить.

- Чего у тебя там? Давай.

Митяй опять захихикал.

- Видишь, Ильич, все с ним в порядке. Ты бы шел пока, я тут его в чувство приведу, подмою, подкрашу, потом и побеседуешь. Да скажи там, чтоб чаю горячего принесли, если можно, то с заваркой настоящей. Есть же запасы-то, ну? И про меня не забудь смотри.

Начальник недовольно заворчал: чаю им, настоящего, гляньте, баре какие, - но возражать особо не стал: с Пинцетом спорить - себе дороже: хабал, но злопамятный, а за таблеткой-то к нему бежать придется.

Сухари с горячим чаем, да если к чаю полагается пара кусочков сахара – неземное лакомство. Как же мало надо для счастья, оказывается.

– Пинцетыч, скажи, а как я тут у вас оказался?

– Это у тебя спрашивать надо. Подобрали ребята в павильоне, думали, что дохляк, а нет, живучий ты.

– И все?

– А что тебе еще надо? Про остальное – это уж ты сам рассказывать будешь. Или что, совсем ничего не помнишь?

– Ничего.

Ничего не помнит, последнее, что осталось в памяти, – окровавленные морды собак, доедающих его друзей. От всплывшей перед глазами картины Виктора скрутило, по желудку словно резанули бритвой, и он тут же изверг из себя содержимое.

– Мать твою! Меня-то за что окатил? Сам потом убираться будешь!

– Отвали, а, – Виктор в изнеможении откинулся на подушку, – а лучше чаю долей.

– Чаю ему... Барин какой.

От резкого толчка входная дверь чуть не слетела с петель.

– Где Федор? – Сильвестр, начальник охраны, схватил Виктора за грудки, приподнял и с силой прижал к стене. – Федька где???

– Сталлоныч, ты поосторожнее тут, – Пинцет попытался оттащить Сильвестра, но от толчка отлетел к противоположной стене.

– Ну?! Где???

Желудок Виктора опять не выдержал... Сильвестр отскочил, но было поздно.

- Тфу ты! Зараза!

- А я предупреждал, - злорадно захихикал Пинцет. - Может, оставишь Витька в покое, а то мне он все тут заблюет!

Впрочем, ярость у Сильвестра уже и сама сошла на нет.

Виктор вытер рукавом губы.

- Нет Федора. И Ивана нет больше. Съели их.

- Кто? Как?

На Сильвестра было страшно смотреть: он как-то сразу осунулся, скукожился, затрясся. Кажется, еще немного, и заплачет, словно обиженный ребенок. Но вместо этого он вновь бросился на Виктора.

- А ты как же, гнида, цел остался?!

«Эх, вот сейчас точно уже не останусь»... Сильвестр получил свое прозвище не только за внешнее сходство со знаменитым актером, но и за недюжинную силу, и встреча с его кулаками ничего хорошего не сулила. Впрочем... «Сейчас проверим, мальчик ты или девочка. О! Мальчик!»... Сильвестр согнулся от резкой боли в промежности. Не дав ему опомниться, Виктор оттолкнул мужчину к стенке. Споткнувшись, тот грохнулся на пол, сметая собой все, что попадалось на пути. Сильвестр зарычал, попытался подняться, но тут же получил еще один толчок. Не сильный, но унижительный.

- Ах ты...

- Антон Андреич, уймись.

Глас вопиющего в пустыне... Виктор это понимал. Эх, разнесут они тут у Митяя все его хозяйство.

Подняться Сильвестр не успел: холодная вода, окатившая мужчину сверху, окончательно припечатала его к полу.

- Остыл? Так-то лучше, - Пинцет довольно улыбался. - И скажи спасибо, что охрану не позвал, а то набуздыляли бы тебе твои же подчиненные.

Он было протянул Сильвестру руку - помочь подняться, но потом отдернул: мало ли что, от этого бешеного всего можно ждать.

- Щ-щенки...

- Андреич, ты не бушуй, прими как есть. Псы съели Федьку. И Ивана тоже. Обоих. Меня не тронули, а почему - не спрашивай, не знаю. И не виноват я, самому хреново от всего этого.

Сильвестр промолчал. Встал, стряхнул с себя остатки воды и, не взглянув в сторону парней, вышел из медпункта.

Виктор, обессиленный, рухнул на топчан.

* * *

- Ну, ты, брат, даешь. Сильвестр тебе этого в жизни не простит. Пришибет потихоньку за ближайшим тубингом.

- Да пошел он... Замучается пришибать. Я что, виноват, если для собачек несъедобным оказался?

Перед глазами опять всплыла мерзкая окровавленная пасть жожака, и желудок тут же скрутило.

- Но, но! Хватит тут мне! И так уборки прорва!

- Нюточку позови, она рада-радешенька будет.

Пинцет сразу стал серьезным, куда только девалась его бесшабашность?

- Так, все, хватит. Чай допил? Проваливай!

- Э-э, а кто меня подмыть-подкрасить обещал? Или... А! Ну, прости.

Хотя, за что простить, Виктор понятия не имел: раньше у Пинцета на имя Нюточки такой реакции не было.

- Снимай свою рванину, и не пицать.

Через полчаса Пинцет, злорадно усмехаясь, поднес Лазареву осколок зеркала.

- Любуйся!

- Ну ты и сволочь злопамятная! Весь запас зеленки на меня, что ли, извел? И как я теперь по платформе пойду?

- Ногами! Топай давай... Запашный, бля!

Глава пятая

Чудеса в решете

19-20 октября 2020 года. Станция метро Петроградская

«Догадался, проклятый! Всегда был смышлен, - злобно ухмыльнувшись совершенно в лицо финдиректору, проговорил Варенуха»...

Все-таки здорово вот так лежать дома и бездельничать, да еще и пайку при этом получать. И вообще, все, что пожелаешь, и в любое время. Не, не от начальства, естественно.

- Витюш, разрешишь старику зайти?

Черт, вот некстати! Сейчас Люська придет, а тут этот.

- Так зашли уже, Роман Ильич.

- «Мастер и Маргарита». Читаем?

«Нет, на самокрутки рвем!»

- Я вот зачем к тебе. Ты, часом, не обиделся, что я тебя на карантин-то?

Ха, обиделся он! Хотя... На самом деле, поначалу неприятно было, словно не карантин, а домашний арест.

- Да ладно, нормально все.

- И хорошо. Понимаешь, больно уж вся история такая... Странная. Народ беспокоится, не понимает, спрашивает.

- И поэтому мы ждем полнолуния, посмотреть, а вдруг я шерстью покроюсь, так?

Виктор оскалил зубы, вытянул вперед руки с растопыренными пальцами и завыл, подражая волку.

- Не ерничай, Витюш. Шерстью - не шерстью, но времена беспокойные сейчас. Народ вон, что сверху приходит, ужастики какие-то рассказывает, твои собачки по сравнению с этим - милые песики. Двое погибли, парни молодые, сильные. А ты с ними тоже был, а живой из переделки вернулся. Получается что? Везунчик? - Ильич хохотнул. - Или действительно шерстью покрываешься, чтоб у них за своего сойти?

- Угу, мне тоже весело.

- Не, я ведь о чем? Ты как чувствуешь-то себя?

Как он себя чувствует? Замечательно он себя чувствует!

- Не дождетесь. А проблема в чем?

- Я и смотрю, от царапин и следа не осталось, а ведь смотреть на тебя страшно было - сплошное кровавое месиво. А и всего-то неделя прошла.

- Пинцет всю зеленку на меня вылил. Так в чем проблема-то?

- Проблема? Да вроде нет никакой. Витюш, я про то, что хватит балбесничать, пора на работушку-тук-тук. Народ кушать каждый день хочет, а здоровых мужиков не так много.

Ха, можно подумать, что он по своей воле неделю взаперти просидел!

- Халява кончилась, то есть. И куда меня определили? Только не Сильвестру в подчинение! Убьет!

- Не ему, не боись. Мне лишние скандалы и смертоубийства тут не нужны. Наверх ходить будешь. Считай, что своего ты добился.

«Вот, новый поворот... трам-барам...». Что сказать: ура! Сдается, однако, хрен бы Ильич навстречу пошел, да только им теперь с Сильвестром на одном поле даже срать не сесть.

Блин...

- Роман Ильич, а вдруг я это... для «наверх» теперь профнепригодный?

- Вот и проверим. Ты теперь опытный. Везунчик, опять же. Собачки вон за своего считают. А может, ты и с другими так же договоришься? Короче. Даю два дня, чтоб в себя пришел и собрался. Как раз и группа Иванова должна вернуться. Развод у меня в шесть вечера.

- Не, начальник, погоди! Вопрос образовался... Неужели ты только за этим ко мне через всю станцию перся? Типа объявить, что хватит лодыря гонять?! Или я уже царская особа?

– Считай, что мне поразмяться захотелось. Да, ты хоть бы убрался у себя, живешь, как в свинарнике.

* * *

Конечно, в это «размяться захотелось» Виктор ни разу не поверил, хоть это и была чистейшая правда. Начстанции на самом деле не любил просиживать штаны за просто так, на ногах же и думалось лучше. А подумать было о чем...

Когда-то Роман Ильич Переверзев оказался самой удобной кандидатурой на пост главы новорожденного государства: был он не глуп, в меру амбициозен, а работа в районной администрации большого города уже предполагала кой-какой организаторский опыт. Ильич согласился, почти не думая: какой рядовой не мечтает побыть генералом? Только если кто-то надеялся, что новоиспеченный босс будет кем-то вроде свадебного генерала, сильно просчитался – не прошло и года, как вдруг обнаружилось: мягкие лапки Романа Ильича оказались еще и загребущими. Начальник потихоньку-полегоньку прибрал себе все, оставив остальным лишь совещательный голос в Совете. Но возражать никто не стал: кормушка оказалась не настолько сытной, и совсем несопоставимой с сопутствующим «высокому» званию геморром.

Нет, Ильич, конечно, понимал, во что ввязался. Быть крайним всегда и во всем – судьба незавидная. Только взялся за гуж – не говори, что не дюж. Проблемы сами собой не рассосутся, кому-то все равно придется их решать. И он решал. Пока их количество не перешло в качество.

Само собой, перебои с провизией начались не вчера, с самого начала приходилось ее жестко экономить. Но никогда еще не было так плохо. Сейчас ситуация напоминала самолет, сорвавшийся в крутое пике: вот летел он, летел, и вдруг – раз... вторая смена. Как-то все сразу получилось, в один момент – и наверху стало, мягко говоря, небезопасно: вся фауна словно взбесилась, явив миру особей, доселе невиданных, и в нормальном мире вовсе невозможных, от нее не отставала и флора, и для всех человек оказался и первым врагом, и первой, самой вкусной, закуской; и тут же выяснилось, что в радиусе где-то пяти километров от станции все выбрали начисто, а свой урожай когда еще поспеет, да и что там? Кот наплакал, на такую-то ораву. А еще, до кучи, две группы не вернулись сверху, шесть человек. Вот теперь ждали Иванова. Если и они не вернуться... Жопа жопская, других слов просто не подобрать.

Станция бурлила. Умирать голодной смертью не хотелось никому, поговаривали о необходимости перебраться в Большое метро. И Ильич не знал, как донести до людей, что там тоже вряд ли сытно, и уж точно – лишние рты никому не нужны. Спасти всех могло бы только чудо. Только лимит на чудеса выбран начисто. Эх... Выпить бы сейчас...

* * *

«В свинарнике...» Тоже мне, указывать будет! Виктор оглядел крохотную комнату. Ну-у... Для одинокого мужика вполне так. На столе никаких крошек и немытой посуды, пол тоже вчера протирал, сам, кстати. Спасибо Люське, воды принесла. А вот мыть, зараза, отказалась! Карантин же... Хотя ночью тайком потрахаться прибегать – никакого карантина! Зараза, одним словом. Вот одежду, пожалуй, прибрать надо, а то валяется, не разберешь, где чистое, а где ношеное. Да, кстати, и постирать бы, что тогда скинул. А уж дыры заштопать он Люську припашет, не отвертится девка. А что? Не выкидывать же шмотки? Тем более что свитер там его любимый.

В дверь тихонько даже не постучались – поскреблись. Гости на гости, хозяину радости. Люська?

– Кто?

– Ау-у, Витенька-а!!!

О, точно, она. Легка на помине!

– Люсинда, заходи! Я тут ПХД затеял, помогать будешь! – Виктор предусмотрительно прикрыл дверь и встал между ней и девушкой: теперь пусть попробует удрать!

– А что такое есть ПХД?

Люська хитро улыбалась. Само собой, все эта зараза поняла, и что слово незнакомое означает, тоже. Дурочку включил, ага!

- Люська, ты из себя блондинку не строи, не твой профиль.

- Это как?

Люська от природы имела светлые с редким платиновым оттенком волосы. И во вполне приличном, кстати, состоянии.

- Ты слышала, что интеллект в блондинках измеряют? Сделаю тебе комплимент, ты - две блондинки!

Люська притворно вздохнула, присела рядом с мужчиной и потрепала ему волосы.

- Мон ами справится без Людмилы, правда ведь? Мон ами гонял балду целых семь дней, а бедная Люся устала как черт. Мон ами пожалеет Люсю.

- Бедная Люся... Это звучит. Мон ами тоже бедный, у него куча нестиранного белья.

Люська притворно вздохнула, прижалась к мужчине.

- Витенька, я столько уже перестирала сегодня. Давай ты сам, у? А Люся просто хочет ласки. Мон ами ведь тоже хочет ласки?

- Отлично, радость моя. Как скажешь, сам так сам. Вот прямо сейчас и все сам. Вот совсем-совсем все!

Люська вместо ответа игриво чмокнула парня в ухо. Вот зараза! Плюнуть на все, что ли? Э, нет! Поддаваться никак нельзя, на шею сядет. А проучить следует. Так что пусть идет не солоно хлебавши. И побыстрее, черт, черт, черт!

Виктор решительно оторвал девушку от себя.

- Мон ами надо работать, приходи потом!

Люська попыталась приласкаться опять, но мужчина решительно отодвинулся, и девчонке ничего не оставалось, как уйти. Уже в дверях она обернулась и показала любовнику язык.

Виктор засмеялся: зараза, вот зараза! Ничего, явится, подуется немного и явится. А пока, на самом деле, надо разобраться с этими лохмотьями. Где тут они?

Да, пожалуй, ремонту это все уже не подлежит. Да и отстирать запекшуюся кровь будет проблематично. Эх, шмотки жалко, хорошие, такие еще поискать. А с другой стороны, забот меньше, выкинуть все к едрене фене.

– Бля!..

Как так получилось, он не понял, вернее, не успел понять, то ли споткнулся, то ли голова закружилась... Так или иначе, но Виктор вдруг обнаружил себя лежащим на полу, уткнувшимся носом в свои рваные штаны. А-а-пчи!..

– Интересно, что это было?

Прислушался к своим ощущениям: нет, не болит ничего. Вроде. Рука! Вот непраха! И откуда только этот гвоздь проклятуший взялся! Удачненько так ладонь насквозь проткнул. Виктор с силой дернул за шляпку, кровь брызнула в лицо, потом струей потекла вниз. Рану заткнул первым, что попало под руку, и только потом рассмотрел, что это свитер. Тот самый, в клочья порванный иголками кактуса, в крови и пыльце проклятой колючки.

Какое-то время он сидел на полу, прислушиваясь, как в ране пульсирует боль. Ну вот, теперь точно заражение крови обеспечено. Или столбняк, или что там еще от грязных ржавых гвоздей бывает? И Пинцет тут вряд ли поможет. Хотя для проформы к нему наведаться все-таки стоит. А вдруг? Заодно и шмотки выбросит.

А-а-а-пчи! Во, точно! А-а-а-пчи! Да что еще такое! А-а-а-пчи! Не хватало вирус схватить. А-а-а-пчи! Хотя... Виктор принялся: точно, ваниль. Откуда бы? И тут же вспомнил: именно ванилью пахло от того злосчастного кактуса. Пыльца! Он же тогда искупался в ней по самые уши! А сейчас со шмоток надышался. А-а-а-пчи!..

Пинцета он встретил, когда шел обратно к себе.

- О, Димон, ты где шляешься? Пришел, постоял, пробой поцеловал...

- Чего? Какой пробой?

- Темнота, поговорка такая. Был у тебя, и не застал.

- Так пошли!

- Да ладно, проехали.

Собственно, чем ему Пинцет поможет? Если повезет – само пройдет. А не повезет... Значит, не повезет.

- Пошли, пошли. У меня спиртяшки излишек образовался. Одному пить стремно. Пошли?

- Спиртяшка, говоришь?

А что? Можно и спиртяшки.

- А закусь – то есть?

- Тебе бы только пожрать! Анекдот по этому поводу помнишь? Ну, про бутылку водки и конфетку?

- Помню. Только без закуси все равно беспонтово.

- Да не переживай, не так все плохо, найдется и хавчик.

Пинцет постарался: стол был накрыт по первому разряду.

- Это по какому поводу праздник?

- Как? Не знаешь? Годовщина Дня Лицея, девятнадцатое октября!

- День Взятия Бастилии, или нет повода не выпить?

- Ну, выпить и без повода можно, а день сегодня особенный, сегодня ночью Пушкины встречаются. И если встретятся, то всем нам тут кирдык бабайка.

- Можно подумать, нам раньше не кирдык был. Что за Пушкины-то хоть?

- Темнота! Памятники. Большой, что на «Черной речке», и маленький, с «Пушкинской».

Пинцет закатил глаза и заговорил нарочито низким голосом.

- Ровно в полночь они сходят со своих постаментов и идут навстречу друг другу. Встреча запланирована у бастионов Петропавловской крепости. И как только они встретятся, сама крепость и все, что рядом, рухнут под землю. Набережная Невы обрушится, и вода хлынет на Марсово поле, в Летний сад, на Невский. А Медный Всадник сорвется с Гром-камня, его конь, пробивая копытами асфальт, прогремит по проспекту Майорова, по Сенной, мимо Райсовета, мимо Электросилы и «Стамески» на площади Победы вывернет на московскую трассу...

- Короче, умерли все. Митяй, тебе в артисты надо было, прогадал ты с профессией. Сам все придумал?

- Обижаешь. Историю родного города знать надо, между прочим.

- Какая это история?.. Байки из склепа, уж лучше так. И устарели. Скажи, вот нахрена этим памятникам сейчас-то город рушить? «Все уже до вас украдено», раньше надо было беспокоиться. А теперь что за кайф?

- Ни грамма в тебе, Виктор, возвышенного, приземленный ты человек! Реалист, вот. Что за кайф, не знаю, но вот раньше встретиться они никак не могли, потому как им в пять утра первых пассажиров встречать. Время! Цигель-цигель, ай лю-лю, облик морале.

– А-а, тогда да. И уж теперь-то они точно встретятся! Что, за миссию Пушкиных?..

– Вообще-то за мою днюху...

* * *

К себе Виктор вернулся, когда станция видела десятый сон. Спирт оказался обычным самогоном, относительно хорошим, но самогоном. Поэтому ли, или от того, что Лазарев откровенно перебрал, на утро его основательно штормило. Про сушняк и говорить нечего, и еще воротило от одной только мысли о еде.

В этот момент под дверью кто-то закашлялся, а потом раздался тихий стук.

– Только не это!! Кто там?

– Свои... Ты как?

– Хреново. Остановите землю, я сойду...

– Только не это!!! Кто там?

– Свои... Ты как?

Пинцет выглядел немногим лучше Виктора.

– Я полечиться...

– Что, опять?

– Витек, ты меня удивляешь, словно неженка-институтка, никогда с похмелья не страдал что ли? Давай по маленькой, сразу полегчает.

Действительно, полегчало. Мир уже не казался настолько мерзким, шторм прекратился, и голова встала на свое место.

– Еще по одной? Для ровного счета?

– Не, не буду. Плохой опохмел – начало хорошего запоя, а мне завтра наверх идти.

– Как хочешь, а я выпью. Кстати, как там твоя смертельная рана поживает? – Пинцет хихикнул.

– А бес ее знает.

Мгновение спустя оба с удивлением рассматривали крохотную ранку, затянувшуюся молодой розовой кожей.

– Вот это да! Слушай, Ботаник, а что, мой шендербек, получается, и не шендербек вовсе, а живая водичка.

– Мертвая, Димон, мертвая... Раны мертвая лечит.

* * *

Окончательно оклемался Виктор только к вечеру. То ли утренняя порция шендербека оказалась в тему, то ли печень хорошо перерабатывала яд, но чувствовал он себя превосходно. Эх, и куда деть-то ее, силушку богатырскую? Люсинда с ним в контрах, так что, по ходу, пока только на уборку: доделать, что вчера бросил, да кровь с пола подтереть.

Наверное, правы искренне верящие в то, что ничего случайного не бывает. Но как же часто великие и не очень дела вершатся именно по воле Его Величества Случая. Маленькое бурое пятнышко на полу около топчана и испачканный кровью носовой платок, выпавший из кармана выкинутых в помойку брюк – под топчаном... Вчера Виктор его просто не заметил. А сегодня... Сегодня что-то щелкнуло у него в голове.

Его быстрое восстановление, его отменное самочувствие, несмотря на кровопотерю и отнюдь не райские условия существования, скудный паек, затхлый воздух и отсутствие солнца. И гвоздь этот, вернее, ранка...

– Так, где же он? Блядский свинарник! Еще на начальника обижался... А, вот!

Маленький перочинный ножик нашелся в дальнем углу ящика, в тумбочке, заменяющей мужчине и стол, и платяной шкаф. Виктор с силой полоснул себе по ладони. Ножик был тупой, но оставленной лезвием ранки хватило, чтоб из нее пошла кровь. А теперь платок. На нем должна сохраниться пыльца, обязательно должна!..

К утру на ладони не осталось даже намека на царапину.

Его просто распирало от неожиданной догадки: пыльца! Обычная пыльца обычного кактуса может лечить! Не зря все эти дни его тянуло наверх, словно проклятый цветок звал его. И наплевать на собачек! Он знал теперь, уверен был – Царица его защитит! Жаль, что не расскажешь никому, нет теперь верных друзей, которые и поймут и поддержат. Разве что Митяю. Ну, поржет над ним, пусть, держать все это в себе намного мучительнее. А может и не посмеется?

Глава шестая

Истина где-то рядом?

Ноябрь – декабрь 2020 года

Но Пинцету с утра было не до того: добрая половина станции слегла с пищевым отравлением.

Митяй был в ужасе, его знаний явно не хватало, а в арсенале была лишь резиновая клизма да активированный уголь. Лазарев, один из немногих (случайно ли?), кого зараза обошла стороной, вызвался ему помогать. К вечеру стало немного полегче.

– Если никто не очочурится, пойду наверх, в первой попавшейся церкви свечку поставлю.

– Если по дороге тобой не закусит никто.

– Не закусит. Дело-то богоугодное.

– Вот не знал, что ты у нас такой... боговерующий.

– Не... Не боговерующий я. Хоть, может, и зря. Видишь, боженька меня, дурака криворукого, пожалел. Пока ни одного жмура.

Пожалел... А что ж он, старый пердун, миллионы не пожалел? Или надоели они ему до изжоги? Вот и он, Виктор, богохульствует сейчас, отказывается верить, что есть ТАМ кто-то, кто вершит судьбы и управляет ими, грешными. А ведь даже бабка его, блокадница и ярая коммунистка в церковь тайком ходила. Как это она там говорила? На войне безбожников не бывает? Намекая, что ту, самую страшную зиму ей только вера пережить и помогла. Можно подумать, что другие меньше верили... Эх, никогда он в этом всем не разберется, да и не надо, наверное. В последней войне безбожники все равно, кажется, победили.

Само собой, ни о какой вылазке наверх речи уже и не шло, не до того было, да и некому, по сути.

А на следующий день утром, с опозданием на полтора суток, вернулась группа Иванова. И с ними – два полуживых бойца, оставшиеся от отряда Макара. Пришли пустые...

Что именно рассказал старший группы Роману Ильичу, так и осталось тайной, бойцы тоже молчали. Это подлило масла в огонь: недовольства уже никто не скрывал, народ на полном серьезе обсуждал пути отхода и станции, где их могли принять вместе со всеми чадами и домочадцами. Было ясно: на Петроградской ловить больше нечего, станция обречена. Доводы Ильича, что там их никто не ждет, никто не слушал. Выбор был небольшой: остаться на Петроградской и гарантированно умереть от голода, или уйти в никуда с надеждой на жизнь. Хоть и призрачной.

И тогда Роман Ильич не выдержал, запил.

* * *

- Слушай, Витек...

- Ну?

Пинцет в эти дни окончательно перебрался к Виктору, к себе ходил только ночевать. Лазарев, в принципе, не возражал: вместе было не так тоскливо смотреть, как рушится привычный миропорядок. Наверх никто уже не ходил, запасы таяли, еще немного, и тут тупо будет нечего жрать. Кто-то решился, ушел. Те, кто остались, или просто побоялись неизвестности или, возможно, все еще надеялись на чудо.

- Что ну? Может, двинем отсюда? Неохота с голодудохнуть.

- Думаешь, нам будут где-то рады? Конечно, ценные кадры... Целый зубной врач и студент-гуманитарий, криворукий к тому же. Если для тебя, может, больные зубы всегда найдутся, то моя биология сейчас на фиг никому не упала, поверь. Дим, тут надо что-то решать. Где родился, там и пригодился, слышал про такое?

- Где родился... Тут я родился, в Питере. Ты, Витек, не знаешь... А ведь я из знаменитой династии! У нас род потомственных врачей, так-то вот. У меня даже выбора не было - медицинский. А мне эта медицина знаешь как поперек горла? Вот и вышел из меня Пинцет. Так что моим несостоявшимся пациентам жутко повезло, что я до них не добрался. И это даже несмотря на то, что папочка меня на стажировку аж в Израиль отправлял. Вот остался бы там насовсем и не сидел бы тут с тобой сейчас, - Митяй хмыкнул, и непонятно было, то ли с сожалением, то ли просто смеется.

- Слушай, Мить... Есть у меня одна идейка, третий день покоя не дает. Если что, шендербек у тебя еще остался?

- Обижаешь, стратегический запас всегда на месте.

- Приготовь. Немного! Вдруг понадобится.

- А чего задумал-то?

- Потом. Чтоб не сглазить.

Ботанический сад хранил какую-то тайну, Виктору удалось ее приоткрыть, совсем чуть-чуть, самую капельку. Этого было достаточно, чтоб начисто лишить его покоя. И еще он чувствовал – спасение должно прийти именно оттуда. Что это будет? Схрон ли, полный так нужной сейчас им провизии, или что еще, он не знал. Да так ли уж это было важно?

Она звала его... Виктор чувствовал этот зов каждой клеточкой. Воспоминания детства, голоса в туннелях – все это уже не было наваждением и не казалось ему признаком безумия. Он уже не страшился своих ощущений.

Осталось рискнуть...

* * *

В комнате стоял густой сивушный дух. Виктор взял со стола кружку, понюхал: ну и дерьмо! Где только начальник раздобыл эту гадость?

Роман Ильич на появление постороннего никак не отреагировал. Даже глаз не поднял.

– Эх, Ильич... Что ж ты так запустил-то себя, а? Ау-у!!! – Лазарев несколько раз пощелкал пальцами, пытаясь привлечь внимание начальника.

Словно нехотя тот повернулся в его сторону.

– Чего пришел? На трупе оттоптаться? Воронье... Падальщики. Предатели вы все.

Виктор с удивлением обнаружил, что начальник не так уж и пьян, как сначала ему показалось. Это удача, однако!

– А ты чего хотел? Человек ищет, где лучше.

Момент истины: как Ильич отреагирует на эту фамильярность всегда предельно вежливого с ним Виктора? Где-то на уровне копчика было понимание – от этого много зависит. Если не все.

- А где лучше? Ты вот знаешь это? Дураки. Кому лишние рты нужны?

- Вот поэтому я тут.

Кажется, Роман Ильич его не услышал. Или не понял. Или не поверил, что кто-то, кроме него, понимает истинное положение вещей и тоже ХОЧЕТ, чтоб Петроградская жила, что ему есть, что терять.

- Ильич, ты меня слышишь, а?

Тот вместо ответа полез под стол, откуда вытащил бутылку. Пустую. И с сожалением отбросил ее в угол.

- У тебя браги нет?

- Кое-что получше имеется.

Виктор уже открыл было рот, хотел сказать про Митяев самогон и что сейчас принесет бутылку, как тут его осенила неожиданная идея. Не дав Ильичу опомниться, он выпалил:

- Про схрон на Ботаничке помнишь?

И затаил дыхание.

Реакция Романа Ильича была что надо, о такой парень даже и помечтать бы не мог: хмель слетел с начальника в одну секунду. Ох, рано собрались списывать Ильича, рано, еще послужит, курилка. Какое-то время перед Виктором был прежний начстанции, но запала хватило ненадолго.

- Эх, молодежь, не понимаете - нет ничего страшнее обманутых надежд... Шел бы ты, - начальник махнул рукой и уткнулся носом в стол.

- Роман Ильич, да послушай ты!!!

Виктор схватил его за плечи, встряхнул, пытаясь привлечь внимание. Наверное, излишне усердно.

- Ты не оборзел часом? - Ильич оттолкнул мужчину, и тут же занес кулак для удара.

- Да успокойся ты уже! Тьфу, зараза! Уж лучше бы все развалилось окончательно, а то испрашивай вот величайшего соизволения у пьяной сволочи!

Сей экспрессивный спич неожиданно возымел успех: Роман Ильич вдруг успокоился и вполне осмысленно взглянул на Виктора.

- Ты действительно в этот схрон веришь?

Верил ли он? Верил ли сам в то, что другим могло показаться ерундой, шизофреническим бредом, пустой тратой времени?..

- Не верил бы - не пришел.

- Ну и вали тогда. Только пойдешь один, никого с тобой не пущу.

Один так один, на большее Виктор и не рассчитывал.

- Я через Ботаническую выйду. И вернусь так же.

- Да хоть через систему канализации...

* * *

Волнение ушло совсем, как только он ступил на поверхность. После того злополучного похода прошла всего пара недель, но произошедшие изменения было видно невооруженным взглядом: Ботаничка разрасталась, она медленно и верно разрушала все, что когда-то было создано человеком. Плющи и лианы вгрызались в каменную плоть зданий, душили их, крошили, словно острые ножи кромсали асфальт. В предрассветных серых сумерках зрелище и страшноватое и завораживающее одновременно.

Некоторое время Виктор стоял, любуясь картиной, потом опомнился: зимние питерские дни беспощадно коротки, да и холодновато было для прогулок.

Пора.

Ботанический сад в этот раз встретил его по-другому. Чувствовалась сила, Нечто очень могущественное таилось в его глубине. Это Нечто наблюдало за ним, с любопытством следило с того самого момента, как он пересек Карповку. И – Виктор готов был поклясться – ждало. Страху не было, ноги сами несли его в глубину зарослей. Казалось, что буйная растительность, эти джунгли, в которые превратилась Петропавловская, расступались перед ним, словно указывая, куда идти, а потом смыкались за спиной.

Вот и главная оранжерея... Ее купол, почти не пострадавший, светился желтым пульсирующим цветом. Несколько крупных псов, сидевших у входа, зарычали, увидев его. Странно, но Виктор совсем не испугался. Он откуда-то знал – не тронут. Так и вышло: собаки, поскуливая, расступились, освобождая проход.

Здравствуй, Царица... От Виктора не укрылось, что растение сильно прибавило в размерах. Огромные сочные стебли, словно руки, раскинулись в разные стороны, а на них, в такт дивной музыке, шевелились иголки. Это было настолько невероятно, что Виктор поначалу принял звуки за галлюцинацию, и лишь присмотревшись догадался: капли конденсата, скопившиеся под куполом, падая вниз, резонировали от цветов и листьев окружавших Царицу растений. В середине этого великолепия, словно корона, возвышался прекраснейший из цветов. Он играл красками, переливаясь ярко-желтым, смесью оранжевым, и вдруг наливался красным, почти бордовым. Виктор сделал несколько шагов вперед...

Неожиданно мужчина споткнулся о корневище, упершееся ему в ноги, и упал на колени. Он даже не почувствовал боли – все его мысли, все чувства были сейчас заняты этим удивительным и прекрасным цветком, царственно возвышавшимся над ним.

– Я пришел к тебе, моя Царица...

Невероятно, но она словно услышала его. Виктор явственно почувствовал ее радость, и... Черт возьми, если это было не торжество: Царица праздновала победу, свою победу над человеком. Запахло ванилью, руки-стебли потянулись к мужчине, но он не испугался, в тот момент он готов был умереть, если на то будет воля Ее Величества. Сегодня цветку не нужна была его жертва, вместо этого он бросил к ногам Виктора зеленый, сочный комочек, покрытый небольшими колючками. Отросток. Виктор нагнулся и взял его в руки. Росточек мгновенно обвил ладони своими корнями...

Между человеком и растением образовалась прочная связь, которую понимали только они вдвоем. В голове Виктора шелестел приятный женский голос, и это уже не было плодом его больных фантазий.

- Все будет сделано, - благоговейно произнес человек.

* * *

Бункер он нашел. После «беседы» с Царицей он точно знал, куда надо идти, да и Ботаничка словно сама помогла Виктору его обнаружить: тропинка, как по волшебству появившаяся в зарослях, привела его прямо туда.

* * *

Лазарев вернулся через сутки. Вернулся, да еще и сувенир принес - кусок металла, а на нем выдавлено: «Объект ГО «Монолит» 3487»...

Это был настоящий Клондайк: обильно смазанные солидолом банки с тушенкой, кашами, рыбой, сухое молоко, чай и кофе, опреснители воды, средства индивидуальной защиты, лекарства и много чего еще, что могло пригодиться в условиях полной изоляции. А еще семенной материал. Сразу было видно - не просто склад, а скорее научная лаборатория. Вот и оборудование тут было соответствующее.

Роман Ильич быстро смекнул, что особо распространяться о находке нельзя, поэтому всем, кто видел склад, было велено молчать. О том, чтоб оставить все это на месте, тоже не могло быть и речи, поэтому группа особо доверенных

бойцов целую неделю перетаскивала все это богатство на Петроградскую, размещая в туннелях и хозяйственных помещениях. Часть контейнеров перетащили на соседнюю Ботаническую, полностью заполнив ими все подсобки и часть платформы, специально с этой целью отгороженной.

Блокпост, устроенный тут же, был единственным, который охранялся автоматчиками.

Глава седьмая

Смотритель

Декабрь 2020 года. Станция метро Петроградская

На официальной карте Питерского метрополитена станции «Ботаническая» не было. Правда, не случись триндец, метро в Питере обзавелось бы собственным кольцом, частью которого эта станция, вместе с соседней Сампсониевской, и должна была стать. Туннели к ней, как со стороны Выборгской, так и от Петроградской, были готовы, гермоворота стояли на своих местах, коммуникации подведены. Технические помещения были введены в эксплуатацию прямо перед катастрофой, так что была тут и вода и освещение. Сама станция, правда, числилась в долгостроях, была до жути неудобной, для жилья по этой причине непригодной, да и далековато от обжитой Петроградской расположенной. Поначалу тут попытались устроить огород, но дело не пошло. Короче, для склада она подходила идеально. Как и для того, что задумал Виктор.

В тот момент ему можно было все. Станцию в свое распоряжение? Да какой вопрос? Платформа огромная, места всем хватит! Оборудование туда перенести? Да, господа, жалко, что ли? Все равно оно никому, кроме него, и не нужно! Отгородить его стенкой? Да и это не сложно, материалы бросовые, на все хватит. И чем бы дитя не тешилось... Отдельное освещение для кактусенка? Ну... А! В конце концов, надо же и уважить парня, ведь всех нас спас!

Виктор прекрасно понимал, что от него просто отмахнулись. Да и пес с ними! Пусть там думают, что хотят, ему-то что? Он получил желаемое, и это главное.

Виктор с любовью осматривал оборудование. Многие были ему не знакомы, что-то он никогда не сможет использовать. Но большинство приборов вполне могли ему пригодиться. И он с нетерпением следил за работами, предвкушая, как запретят тут, и...

Странно, а ведь он никогда не увлекался исследованиями. И на биофак он пошел только из-за родителей: как же, сын, продолжатель династии. Дочка-то их уже успела кинуть, подалась в педагогику. А Виктору просто было все равно. И на отца, который и дома с маниакальной увлеченностью колдовал над своими пробирками, он смотрел как на помешанного.

* * *

– Иди сюда, смотри, – отец вытянул впереди себя пробирку с торчащим из нее ростком. – Сейчас я тебе покажу маленькое чудо! Та-ак, а теперь мы задернем шторы...

– Видишь?

Росток, совсем недавно бодро торчащий вверх, вдруг ожил: то увядал, то вновь пытался приподняться, закручивался вокруг пробирочного горлышка.

– А теперь добавим немного света... Самую малость.

Мужчина отодвинул занавеску, капельку, совсем чуть-чуть. И росток тут же отреагировал, потянулся на свет.

– Вот!!! Ты понял, что это значит?

Само собой, Виктор, тогда еще Витюшка, ничего не понял. И чего тут радоваться? Но послушно мотнул головой.

– Растения, они как люди, все видят и все замечают. Только не так, как мы. И реагируют медленнее. Любой цветок, деревце к свету потянутся, но только все это не сразу будет. А этот малыш реагирует моментально. И света ему надо совсем чуть-чуть. Понимаешь, что это значит?

Витя не понимал, поэтому помотал головой. Отец засмеялся.

– Эх, мал ты еще, да... А вот представь. Кто-то заблудился в пещере или авария какая. И ни фонарей, ни огня, и выход есть, а где он – никто не знает. А Огонек легко укажет путь!..

Мужчина поманил ребенка к себе.

– Иди-ка, что еще покажу.

А вот это было уже интересно: к столу с микроскопом мальчику подходить было строго-настрого запрещено.

– Вся вселенная когда-то возникла из одной маленькой клеточки. Поэтому все мы братья-сестры, и люди, и животные, и растения. Части одного мира. И если вдруг у человека получится соединить все эти части вместе, это будет совсем новый мир, без болезней и, наверное, без смерти...

* * *

Отец ушел из жизни очень рано. Все его исследования оказались никому не нужны, время было такое. Да и вообще, все это казалось смешным и несущественным. Как раз для номинации на Шнобелевскую премию. Отец вынести этого не смог, угас. Тихо и незаметно.

А самому Виктору потребовалось пережить Катаклизм, оказаться запертым под землей, попасть к Царице, чтоб однажды произнести: «Папа, а ведь ты был прав»...

Обидно было, что поделиться своими соображениями он ни с кем не мог. Кому это интересно? Пинцету? Или Люсинде? Да плевать они на все хотели.

И еще: ему катастрофически не хватало знаний! «Истина где-то рядом», вот только бы знать еще, как она, эта истина, выглядит и с чем ее едят. Пока же Виктор абсолютно не знал, с чего начать и что должно получиться в конце. Последнее его особенно раздражало.

Идея пришла неожиданно...

- Дим, а не хочешь со мной в город прогуляться?

- Ха, что, песики проголодались? Увольте, меня роль бифштекса не прельщает. Да и с моей ногой много не находишь.

- Собачек не бойся, я рядом буду, а меня они не тронут.

Не тронут, Виктор был в этом точно уверен. Как и в том, что сможет защитить попутчика.

- Нет, я сказал. Не пойду. Меня и тут неплохо кормят!

- Пойми. Мне очень надо. А одному идти, сам понимаешь, стремно. С группой? Так они меня только до места доведут, и по своим делам. А мало ли что?

- Тю-у... Да Витюшенька-то у нас испугался!

Знал бы сейчас Пинцет, сколько сил стоило Виктору не послать того ко всем чертям! Еще издевается, гад.

- Если скажу, что испугался, тебе легче будет? В городе не только зверушки неведомые, но и дома разрушенные, стены падающие. Страховка нужна. Мне просто обратиться больше не к кому, Дим.

- А что тебя вдруг на улицу-то потянуло? Не сидится на станции – запишись в отряд, экскурсии для наших, как его, это, сталкеров никто не отменял пока.

- Мне к себе домой заглянуть надо.

– Опа! Странный приступ ностальгии. Но это без меня, уж извини, и это мое крайнее слово!..

Слово оказалось совсем не крайним, и в конце концов здоровый авантюризм победил.

Ильич поначалу заартачился: как-никак, а Митяй – единственный на всю станцию доктор, и случись что с ним... Потом вдруг неожиданно согласился. Возможно, вспомнив про «квалификацию» этого самого доктора. Но с условием: до места они пойдут вместе с группой Волкова и возвращаться тоже будут вместе с ними. Короче, лучше и придумать было нельзя.

В путь вышли на следующий день, в сумерках. Им, отвыкшим от дневного света, дневное солнышко теперь было противопоказано.

– Караваев, не забудь: вверх не смотреть, голова отвалится.

– Да ладно, что я, неба не видел?

Конечно же, он не удержался. И тут же свалился на карачки, отбив колени и чуть не подавившись рвотными массами. Сдержался с трудом, только потому, что вымазаться по уши остатками ужина – перспектива незавидная.

Волков помог Митяю подняться, а потом еще какое-то время тащил его за собой. Пинцет, когда чуток оклемался и избавился от опеки сталкера, так увлекся разглядыванием постъядерного пейзажа, что чуть не отстал, за что получил увесистую оплеуху от одного из бойцов. Лазарев на поверхности был не новичок, но в этой части города никогда не был, поэтому тоже вертел головой в разные стороны.

До родительского дома идти было всего ничего, странно, что Виктору раньше не пришло в голову наведаться туда. Он даже не знал, цел ли тот, не напрасная ли трата времени это его путешествие.

* * *

Если для Виктора, то для него самым сложным оказалось перейти на противоположную сторону проспекта: автомобили, легковые, грузовые, наши, скромненькие и непрезентабельные, и дорогушие иномарки – все они скучились так, что свободного прохода между ними, казалось, не найти. И в каждой машине – по скелету. И, иной раз, не по одному. Виктор вдруг представил, как в полнолуние все эти мертвецы оживают, выползают из своих проржавевших гробов, и начинают охоту за ними, оставшимися в живых. А как иначе? Мертвое – враг живого. Особенно если тот – выживший счастливчик, а мертвяку не повезло добраться до спасительного укрытия. Лазарев аж испариной покрылся и вздохнул с облегчением, лишь когда они ступили на тротуар.

Город, между тем, жил своей жизнью: что-то ухало, шуршало, урчало, громыхало, твякало, хлопало крыльями. Им везло, это «что-то» пока ни разу не попало им на глаза. Или, как еще посмотреть, они ему. Но вот из-под куста сверкнули два зеленых глаза. Волков сделал знак остановиться. Ветки раздвинулись, и показалась большая рыжая голова, а потом выползло и само существо. Кот, вернее, судя по толстым лапам и неуклюжим еще движениям, котенок. Только размером с небольшую собачку. А вслед за ним выскочил котей размером этак с хорошего кавказца. Судя по тому, как животное зыркнуло в сторону людей, а потом выдало оплеуху не в меру любопытному отпрыску, загоняя того обратно под куст, это была его мамаша. Интересно, а какого размера тогда папенька? Тигры какие-то, а не кошки...

* * *

До места, если не считать встречи с кошачьим семейством, добрались спокойно, без приключений.

Дом практически не пострадал, разрушенные верхние этажи и выбитые окна не в счет. Кое-где на стенах была видна копоть, видать, там горело. А вот и окна отцовской комнаты... Пожара в квартире не было, это самое главное, а мародеров и мокрую питерскую погоду интересующие его бумаги как-нибудь, но должны были пережить. Теперь главное – добраться до третьего этажа.

И Виктор, и Пинцет представляли примерно, какие сюрпризы их ждут за порогом парадного: инструктировали новоявленных сталкеров долго, подробно и с каким-то садистским удовольствием.

– Главное, смотреть по сторонам и под ноги. Если увидишь паутину, тикай, и не оглядывайся, и не думай, что если маленькая, то паучок тебя не осилит. А еще слушай в четыре уха. Каждый в четыре! Если в квартире нет человека, то это не значит, что там нет жильца. Голодного, кстати. И еще: время ничего не щадит, лестничные пролеты, кстати, тоже. Заезаетесь – костей не соберете.

Да, природа-матушка постаралась, смешала в своем миксере всех и вся, и выпустила на волю: плодитесь и размножайтесь. И жрите всех, кто зазевался!

В парадный вошли на цыпочках и не дыша, как и учил Волков, огляделись, посветили фонариками по сторонам. Чисто, ни паутины, ни свежих говяшек. Да и сухих не наблюдается.

И лестница тоже была цела, так что до двери квартиры новоиспеченные сталкеры добрались без препятствий. И тут Виктор застыл в нерешительности: он неожиданно подумал, что не знает судьбы матери. И что случилось с сестрой и племянниками, приехавшими погостить как раз накануне бомбардировки. Вот сейчас он откроет дверь – а они все там, высохшие скелеты, сидят, его ждут: здравствуй, сынок, привет, братишка... Бррр...

Мужчина собрался с духом и толкнул дверь. Заперто. Надо же, вот именно этого он и не предусмотрел. Черт! И как быть? Виктор в отчаянии стащил с себя противогаз. Пинцет, глядя на него, тоже убрал с лица надоевшую маску.

– Что, Ботаник, обломинго? И как теперь быть?

– Попробую выбить. Или еще что. Не возвращаться же не солоно хлебавши!

– Выбить? – Пинцет хихикнул, – Железную дверь? А так не пробовал?

И он тихонько потянул ручку на себя. Дверь, скрипнув ржавыми петлями, открылась.

– Не, конечно, я знал, что ты склеротик, но не до такой же степени!

Пинцет фыркнул. Вслед за ним засмеялся и Виктор.

Выключатель... Он где-то тут, на стене. Ага, вот. Сейчас включим свет... Виктор отдернул руку: чего это он? Ведь ничего уже не будет, не может быть – ни света, ни уютных домашних запахов, ни маминого привычного вопроса: «Вить, ты? Что опять так поздно?». Ни-че-го... Мужчина шагнул в комнату, безумно боясь увидеть там родных покойников. Но было пусто. Пусто и холодно. На полу мусор – битое стекло, пыль, какие-то тряпки, бумаги. Видно было, что в квартире уже побывали, вынесли, что могли. Хотя, если честно, брать у них было особо и нечего, золота-бриллиантов не нажили. Да кому, правда, сейчас это и нужно? Ему вот точно нет. Ему тут надо одно: записи отца. Виктор знал, что мать не выбросила ни одной бумажки, и всегда удивлялся: зачем? К чему хранить всю эту макулатуру, никому не нужные бумажки? А теперь был за это ей очень благодарен!

Аккуратная стопка тетрадей лежала на месте. Бумага немного отсырела, но это не страшно: эпоха чернил все равно ушла безвозвратно. Мужчина бережно уложил бумаги в рюкзак, усмехнулся – вот и вступил он в права наследования. Все. Теперь дожидаться Волкова. А потом домой, разбираться во всем этом...

* * *

Они сидели на лестничной площадке, прямо у дверей квартиры: тут казалось уютнее, чем в разоренном помещении.

– Михалыч, – Виктор не сразу понял, что Волков обращается именно к нему, – ты просто счастливчик, не зря про тебя слухи ходят, что заговоренный, – за всю дорогу ни одной твари не встретили.

Сам Лазарев этому был ни капельки не удивлен: заговоренный – не заговоренный, а собачки его дважды уже не тронули. Так остальные-то звери чем лучше? Но про котов все-таки решил спросить.

– А коты?

– Васятки-то? Так они ж почти ручные. Мирон приручил.

– После того как мамашка гнала нас полквартала.

– Ой, Мирон, чья бы мычала, нефиг было ее котенка на руки тащить.

Мирон засмеялся.

– Мы это семейство две недели назад встретили. Котенок маленький еще, дурной, прямо мне под ноги вывалился. И так по-домашнему мявкнул, мол, возьми на ручки. Генетическая память сыграла. Ну, я и взял. И тут это чудище выскочило, мамашка его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/baranova_konstantin/metro-2035-carica-nochi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)